

Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования
СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Исторический факультет

Кафедра церковной и социальной истории

Дополнительная профессиональная программа – программа профессиональной
переподготовки
«Социальная история Отечества»

Итоговая работа

**Деятельность врача Владимира Ивановича Турбина
в период немецкой оккупации Орла, 1941–1943**

слушателя

Ложкова Виктора Михайловича

Рекомендована к защите на заседании
кафедры « ____ » _____ 202__ г.
протокол № _____

Руководитель
Петров И.В.,
к.и.н.

Зав. кафедрой _____

Обозный К.П., к.и.н.

Москва

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. Оккупация Орла: история и особенности.....	10
1.1. Общие сведения	10
1.2. Создание «Русской больницы»	17
Глава 2. Работа В. И. Турбина в оккупированном Орле.....	26
2.1. Биография В. И. Турбина.....	26
2.2. Инфекционное отделение под руководством В. И. Турбина	35
2.3. Связь с лагерем военнопленных	42
2.4. Значение работы В. И. Турбина в «Русской больнице»	45
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	47
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	49
Источники	49
Литература	50
Интернет-ресурсы.....	51
Приложение 1. Карта расположения Инфекционного отделения	53
Приложение 2. Фотографии	54

ВВЕДЕНИЕ

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. остаётся одним из ключевых событий в истории России XX в. Несмотря на подробно восстановленную хронику боевых действий и обширную историографию, некоторые страницы этого периода до сих пор остаются изученными не до конца. К числу таких страниц относится гражданское сопротивление на оккупированных территориях. Среди известных примеров чаще всего упоминаются партизаны и граждане, совершавшие диверсии в тылу врага. Про других информации совсем немного, и она восстанавливается по архивным документам и крупицам воспоминаний современников. В этом контексте особое место занимает личность Владимира Ивановича Турбина (в монашестве Никона), (1905–1972). Это выдающийся врач-инфекционист, потомственный дворянин и тайный монах, который в годы немецкой оккупации Орла стал одним из организаторов подпольного госпиталя, известного как «Русская больница».

На протяжении 22 месяцев оккупации (октябрь 1941 — август 1943 гг.) В.И. Турбин и его коллеги, действуя под угрозой расстрела немцами, тайно укрывали и лечили раненых красноармейцев, переписывали их документы, выдавая за гражданских лиц. После выписки сотрудники больницы содействовали дальнейшему скрытному перемещению своих пациентов: искали конспиративные квартиры в городе, координировали их отправку к партизанам или через линию фронта. По различным оценкам, «Русская больница» спасла порядка тысячи бойцов и командиров Красной армии. На сегодняшний день сохранились воспоминания некоторых из них.

Между тем имя В.И. Турбина долгое время оставалось в тени. В советский период о его личности и его роли не говорили публично по идеологическим причинам: Турбин был верующим человеком и монахом, что не вписывалось в официальный советский нарратив. Лишь в последние десятилетия, начиная с 2000-х гг., благодаря работам орловских журналистов, краеведов и историков стало возможным познакомиться с его личностью, узнать о работе и жизни доктора В.И. Турбина. Кроме того, ещё при жизни Турбин стал своеобразной городской легендой, его имя передавалось из уст в уста. Врач уникальной квалификации, спасший тысячи пациентов за четыре десятилетия практики, оставил после себя благодарную память орловчан. Некоторые воспоминания были записаны и опубликованы, и сегодня они представляют собой ценные источники информации.

Хронологические рамки работы охватывают период немецкой оккупации Орла — с 3 октября 1941 г. по 5 августа 1943 г. Однако в главе, посвящённой биографии В. И. Турбина, берётся более широкий период, соответствующий годам его жизни (1905–1972).

Географические рамки ограничены городом Орлом и Орловской областью в её границах 1941–1943 гг. Отдельные сюжеты потребовали обращения к более широкому пространству Центрального Черноземья (Ливны, Задонск — в связи с биографией рода Турбиных и историей мощей святителя Тихона Задонского).

Актуальность работы состоит в том, чтобы популяризировать историю о жизни и подвиге доктора Турбина, представив ее в наиболее полном и систематизированном виде; ввести в научный оборот ранее не исследованные материалы, связанные с его уникальной деятельностью в период немецкой оккупации Орла; сделать это достоянием более широкой аудитории. В последние годы особенно активно героизируются события времён Великой Отечественной войны с целью формирования патриотических настроений в обществе. Личность В.И. Турбина даёт пример истинного патриотизма, основанного не на пропаганде и лозунгах, но на подлинно христианских и исконно русских основаниях любви к своей земле и жертвенного служения людям.

Ещё один немаловажный момент касается роли Турбина в работе «Русской больницы». В сформированную в советское время историографию, «легенду» о «Русской больнице» вводится лицо, ранее намеренно сокрытое в тени, на периферии, и необходимо понять его место в этой истории. В связи с этим нужно упорядочить известные факты работы больницы, нисколько не умаляя подвиг других врачей, которые также самоотверженно трудились и спасли сотни людей, работая в тяжелейших условиях оккупации. Важно не противопоставление и героизация кого-то одного, но восполнение пробелов и установление новых взаимосвязей в действительно большой и великой истории.

Опираясь на сопоставление опубликованных и архивных источников, в настоящей работе обосновывается тезис о ведущей роли В. И. Турбина в системе спасения красноармейцев в «Русской больнице». Именно инфекционное отделение, обнесённое глухим забором и защищённое надписями о тифе и других заразных болезнях, стало первым и одним из главных укрытий для пленных, раненых и больных; именно Турбин стал автором идеи о переписывании историй болезни с целью сохранения пленных и раненных от попадания в концлагерь; именно Турбин координировал связь инфекционного отделения с лагерем военнопленных. При этом подвиг Турбина не противопоставляется работе других врачей и

медсестёр «Русской больницы»: задача состоит в том, чтобы восполнить историографический пробел и определить точное место Турбина в коллективной работе подпольного госпиталя.

Цель настоящей работы — исследовать деятельность врача В.И. Турбина в период немецкой оккупации Орла (1941–1943 гг.) и оценить его роль в организации и работе «Русской больницы».

Для достижения поставленной цели определены следующие **задачи**:

- 1) реконструировать основные вехи биографии В.И. Турбина, раскрывающие формирование его личности;
- 2) охарактеризовать условия и особенности немецкой оккупации Орла и её влияние на жизнь города;
- 3) детально восстановить хронологию работы инфекционного отделения под руководством В.И. Турбина в 1941–1943 гг.;
- 4) оценить роль В.И. Турбина как одного из ключевых организаторов «Русской больницы» на основе сопоставления различных источников.

Методология исследования. Работа выполнена на основе принципов историзма и научной объективности. Ведущим стал историко-генетический метод, позволивший проследить становление личности В. И. Турбина и его деятельность в развитии, в конкретных условиях немецкой оккупации. Биографический метод применён при реконструкции жизненного пути доктора; сравнительно-исторический — при сопоставлении свидетельств разных участников событий и определении роли Турбина на фоне работы других врачей «Русской больницы». Основу исследования составил источниковедческий анализ эго-документов (воспоминаний, писем, свидетельств): их внутренняя и внешняя критика, сопоставление между собой и с опубликованными исследованиями позволили упорядочить известные факты и установить действительную меру участия В. И. Турбина в спасении военнопленных.

Историография. Историографию вопроса о роли В.И. Турбина в работе «Русской больницы» целесообразно разделить на три этапа.

Первый этап — советский. Он представлен прежде всего книгами орловского исследователя М.М. Мартынова «Подпольный госпиталь» (Тула, 1964) и «Фронт в тылу»

(Тула, 1975 и 2-е изд. 1981)^{1,2,3}. В первой книге, изданной в годы хрущёвских гонений на Церковь и развернувшейся травли В.И. Турбина в орловской печати, его имя не упомянуто вовсе. Лишь во втором издании второй книги, вышедшем через девять лет после его смерти, автор посвятил несколько тёплых слов его подвигу. Центральной фигурой подпольного госпиталя в советской историографии устойчиво представлялись врачи С.П. Протопопов, А.А. Беляев и В.А. Смирнов; роль Турбина оставалась практически невидимой.

Второй этап — рубеж XX–XXI вв. После открытия церковной темы для исследовательского обсуждения появились первые упоминания о Турбине-монахе: очерк В.И. Коробкова и Л.М. Тучнина в книге «Орёл. XX век в лицах» (Орёл, 2000)⁴, статья В.А. Власова «Булгаковы, Покровские, Турбины» (Орёл, 2005)⁵, статья Т. Павловой «Тайный монах», опубликованная к 100-летию доктора в «Орловской правде»⁶ и развёрнутый очерк журналиста ОГТРК В.И. Переверзева «Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи)» в сборнике «Паломничество в пустыню» (Орёл, 2005)⁷. Очерк Переверзева, основанный на интервью с современниками Турбина и членами его семьи, фактически заложил фундамент современной историографии вопроса. К этому же этапу относится очерк Н. Чаадаева «Два доктора» («Поколение», 2000 г.)⁸, познакомивший широкого орловского читателя с историей доктора Турбина.

Третий этап — современные исследования. Центральное место в нём занимают работы кандидата исторических наук, орловского историка и краеведа Анатолия Ивановича Перелыгина. Его монография «Орловская епархия в новейшей истории» (Белгород, 2022)

¹ Мартынов М. М., Эвентов А. М. Подпольный госпиталь. Тула: Приокское книжное издательство. — 1964.

² Мартынов М. М. Фронт в тылу. Тула: Приокское книжное издательство. — 1975.

³ Мартынов М. М. Фронт в тылу. Тула: Приокское книжное издательство. — 1981.

⁴ Владимир Иванович Турбин. Сергей Павлович Протопопов // Коробков В.И., Тучнин Л.М. Орёл. XX век в лицах. — 2000 — С. 73.

⁵ Булгаковы, Покровские, Турбины // Власов В.А. Духовные пастыри (В помощь учителю). — 2005 — С. 54–64.

⁶ Тайный монах // Павлова Т. Орловская правда. 2005. 30 апр. С. 3.

⁷ Переверзев В. И. Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

⁸ Чаадаев Н. Два доктора // Поколение. 2000. 10 марта. Цит. по: Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. — 2002 — С. 124–125.

содержит наиболее полный на сегодняшний день анализ деятельности Турбина в контексте военного времени и церковной истории Орловского края⁹. Авторству Перельгина принадлежит также развёрнутая и очень содержательная биографическая статья на портале «Орёл по-русски»¹⁰, в которой содержится много фактов и ссылок на источники, использованные и в данной работе. О Турбине пишет также орловский краевед А.М. Полынкин, опубликовавший материалы из личного фонда М.М. Мартынова в книге «Из архива Матвея Матвеевича» (Орёл, 2021)¹¹.

Несмотря на накопленный материал, специального исследования, посвящённого роли В.И. Турбина в работе «Русской больницы», до сих пор не предпринималось. Имеющиеся работы либо рассматривают Турбина в широком контексте церковной истории и русского православного подвижничества, либо строятся как биографические очерки. Восполнение этого пробела составляет научную новизну настоящей работы.

Использованные источники в основной своей массе представляют собой **эго-документы (мемуары и воспоминания)**. Они включают как опубликованные, так и архивные документы.

Ключевой массив источников по истории «Русской больницы» в целом и инфекционного отделения В. И. Турбина в частности сосредоточен в фонде Р-3976 Государственного архива Орловской области (ГАОО). Это личный фонд первого исследователя орловского подполья и партизанского движения, краеведа и ветерана органов госбезопасности Матвея Матвеевича Мартынова (1912–1986), автора повести «Подпольный госпиталь» и книги «Фронт в тылу». В 1960–е гг. М. М. Мартынов целенаправленно собирал и сохранял свидетельства и воспоминания очевидцев и участников событий, связанных с орловским подпольным и партизанским движением, а также с работой «Русской больницы». На то время еще многие были живы, некоторые продолжали жить и работать в Орле.

Как сотрудник органов госбезопасности и человек своей эпохи, он понимал, что публиковать некоторые из этих материалов в то время было нельзя по идеологическим и иным

⁹ Перельгин А.И. Орловская епархия в новейшей истории. Белгород: Константа. — 2022.

¹⁰ Перельгин А. И. Турбин Владимир Иванович – врач-инфекционист, заведующий инфекционным отделением больницы МОПРа, в 1941-1943 гг. один из организаторов «Русской больницы». URL: <http://орёлпорусски.рф/2025/12/21/turbin-vladimir-ivanovich->

¹¹ Полынкин А.М. Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш. — 2021.

причинам, а что-то, вероятно, ему не позволили опубликовать и редакторы. Поэтому в своей книге «Подпольный госпиталь», основанной на свидетельствах очевидцев, о В.И. Турбине нет ничего, а об инфекционном отделении говорится совсем мало, как будто на фоне основных событий. Вместе с тем, бесспорной заслугой Мартынова является то, что как исследователь он был объективен. В своем архиве он постарался собрать как можно больше документов по этой теме, чтобы восстановить полную и целостную картину работы «Русской больницы». Это подтверждает и А.М. Польшинкин, работавший в архиве с фондом Мартынова и издавший книгу «Из архива Матвея Матвеевича», упомянутую нами выше. При издании книги «Фронт в тылу» Мартынову относительно первоначальной рукописи пришлось сильно сокращать материалы, посвященные «Русской больнице». Это нужно было сделать, чтобы она в принципе могла быть издана. Эта книга стала для Мартынова главным трудом его жизни, он несколько лет после написания рукописи пытался его опубликовать, и первое издание вышло только в 1975 году. Следующее издание, 1981 года, содержало в себе уже немного больше подробностей.¹²

В настоящее время фонд Р-3976 (Личный фонд М.М. Мартынова) ГАОО и публикации М. М. Мартынова являются важнейшими источниками информации по истории подпольного и партизанского движения на Орловщине, а также «Русской больницы». Эти архивные материалы могут лечь в основу будущих исследований. В контексте данной работы среди собранных М.М. Мартыновым материалов центральное место занимают воспоминания самого В. И. Турбина «Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами», записанные 14 сентября 1962 г.; впервые в полном объеме они были опубликованы А. М. Польшинкиным¹³ в 2021 г., а год спустя тот же текст вошёл в монографию А. И. Перелыгина¹⁴.

Не опубликовавшимися ранее (за исключением небольшого фрагмента свидетельства О. И. Евсютиной, который ранее приводил А. И. Перелыгин¹⁵) остаются воспоминания медицинских сестёр «Русской больницы» — В. А. Алёшиной, В. П. Кушевич, О. И. Евсютиной (Филиппович), Н. Н. Сырцевой, Н. И. Яичкиной (Меркуловой), Д. М. Лифиновой, М. М.

¹² Польшинкин А. М. Из архива Матвея Матвеевича... С. 13–14.

¹³ Там же. С. 37–41.

¹⁴ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 151–153.

¹⁵ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

Юрасовой¹⁶. Среди этих документов особо ценными являются воспоминания старшей медсестры инфекционного отделения М.М. Юрасовой и медсестер Н. И. Яичкиной (Меркуловой) и О. И. Евсютиной (Филиппович). Они все работали под непосредственным руководством В.И. Турбина в период немецкой оккупации Орла и работы «Русской больницы». Ценными также являются воспоминания финансового работника (бухгалтера) больницы В. И. Фадеева, записанные в марте 1962 г.¹⁷. Данные источники позволяют лучше понять особенности и детали повседневной работы инфекционного отделения.

К опубликованным эго-документам относится также очерк врача-офтальмолога В. Л. Цветкова «Осторожно, опасная инфекция!», в годы оккупации работавшего санитаром-истопником инфекционного отделения¹⁸. Дополнительные материалы — письма, свидетельства и воспоминания сотрудников и пациентов больницы — опубликованы в книге А. М. Польшкина «Из архива Матвея Матвеевича»¹⁹, сборнике «С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.»²⁰ и в «Орловском военном вестнике»²¹.

Использована также периодическая печать. Из орловских газет привлечены два показательных текста, связанных с антирелигиозной кампанией: публикация «За воинствующий атеизм» («Орловская правда», 22 июня 1941 г.) — образец атеистической пропаганды накануне войны²², и статья В. Бакаева и И. Михайлова «Ложь, шитая белыми нитками» («Орловская правда», 28 июля 1960 г.) — образец травли, развернувшейся вокруг В. И. Турбина после его участия в освидетельствовании мощей святителя Тихона Задонского²³.

¹⁶ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания медицинских сестёр «Русской больницы».

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

¹⁸ Осторожно, опасная инфекция! // *Цветков В. Л.* Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Орёл: Вешние воды, 2002. — С. 120.

¹⁹ *Польшкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича...

²⁰ С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сборник документов. Орёл: БУОО «Государственный архив Орловской области». — 2015.

²¹ Орловский военный вестник: Военно-исторический журнал. Вып. 4: 75 лет начала оккупации Орла. Орёл: Картуш. — 2016.

²² За воинствующий атеизм // *Орловская правда*. 1941. 22 июня.

²³ Ложь, шитая белыми нитками // *Бакаев В., Михайлов И.* Орловская правда. 1960. 28 июля. С. 3.

Глава 1. Оккупация Орла: особенности оккупации города нацистами в 1941–1943 гг. и жизни местного населения

1.1. Занятие Орла вермахтом, формирование оккупационной администрации

К осени 1941 г., в ходе операции «Тайфун» — генерального наступления на Москву, — немецкие войска стремительно продвигались на восток. 30 сентября 1941 г. 2-я танковая группа (с 6 октября — 2-я танковая армия) под командованием генерал-полковника Гейнца Гудериана перешла в наступление на правом фланге группы армий «Центр». За трое суток наступления танковая группа Гудериана сумела продвинуться более чем на 200 км — от рубежа Шостка – Глухов (Сумская область) на северо-восток к Орлу и Брянску, выйдя к 3 октября на дальние подступы к Орлу.²⁴

3 октября 1941 г. 4-я танковая дивизия 24-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы Гудериана без боя вошла в Орёл. Город был захвачен настолько внезапно, что, по воспоминаниям очевидцев, в нём ещё ходили трамваи²⁵. Штаб Орловского военного округа поспешно покинул город тогда же. Советское командование не успело организовать оборону и эвакуацию — мосты остались целыми, стратегические объекты не были уничтожены.²⁶

В.Л. Цветков, впоследствии ставший известным орловским офтальмологом, вспоминал: «Второго октября, ближе к вечеру, командование батальона неожиданно уехало, оставив напутствие: "Боритесь. Бейте немецких оккупантов". Мы не знали, что делать. Командиры уехали в сторону Ельца, а третьего октября утром в Орёл пришли немцы. Они хохотали на всю улицу. Им было радостно от того, что так легко захватили Орёл, все мосты целы. Через несколько дней между колоннами нашего театра уже качались тела казнённых. На каждом табличка с надписью: «партизан», «жид», «комиссар», «за саботаж», «за неподчинение»».²⁷

В Орле до войны проживало около 114 тысяч человек. После захвата города в нём оставалось, по различным оценкам, от 30 до 50 тысяч жителей, которые не успели, не смогли

²⁴ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: Т. 2. — 1961 — С. 254–268.

²⁵ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Цит. по: Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 49.

²⁶ История Великой Отечественной войны... Т. 2. С. 261.

²⁷ Цветков В.Л. Воспоминания. Цит. по: *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

или не захотели эвакуироваться. Помимо гражданского населения, в городе оставались тысячи раненых солдат и офицеров Красной Армии, брошенных при отступлении.²⁸

Оккупация Орла продлилась 22 месяца — с 3 октября 1941 г. по 5 августа 1943 г. К 8 декабря 1941 г. немцам удалось оккупировать всю Орловскую область, за исключением трёх районов: Задонского, Красненского и Чибисовского.²⁹

Высшей инстанцией оккупационной власти в Орле была военная комендатура. С 8 июля 1942 г. должность коменданта Орловского военного округа занял генерал-майор Адольф Гаманн, остававшийся на этом посту до освобождения города.³⁰

Параллельно с военной администрацией была создана гражданская — городская управа во главе с бургомистром. Она включала хозяйственный штаб, ЗАГС, городскую стражу (полицию), финансовый отдел, отдел заготовок и снабжения, отдел социального обеспечения, здравоохранения и отдел народного образования.³¹

В период с октября 1941 по март 1942 г. пост бургомистра занимал А. А. Шалимов, до войны — медицинский фельдшер и активный работник орловских органов здравоохранения. По свидетельствам, собранным М. М. Мартыновым и опубликованным А. М. Польшинским, Шалимов саботировал распоряжения оккупантов, по сведениям сыскной полиции был связан с партизанами; в марте 1942 г. он был расстрелян в орловской тюрьме, после чего оккупанты убрали из управы и зависимых организаций многих «шалимовцев».³² С весны 1942 г. бургомистром Орла стал А. С. Старов.³³

Время оккупации характеризовалось идеологическим разделением среди населения: существовали и идейные коллаборационисты-антисоветчики, и партизаны-подпольщики. Большинство населения, безусловно, хотело мирной жизни и ожидало снятия оккупации, многие активно помогали партизанам и подпольщикам. Наиболее известный описанный

²⁸ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

²⁹ *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 135.

³⁰ Там же. С. 145.

³¹ Там же.

³² *Польшинкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича... С. 14–18.

³³ Без срока давности. Орловская область: сборник документов. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «Воевода» — 2020 — С. 42–43.

пример коллаборационизма - сыскное отделение полиции («русское гестапо») возглавлял бывший орловский купец М. Букин, работал под руководством шефа СД Коха, отличался жестокостью. Букин был осуждён советским судом как государственный преступник и приговорен к высшей мере наказания в 1957 г. Одновременно в городе действовало несколько подпольных партизанских групп: группа А. Н. Комарова (Жорес) — устроившая крушение эшелона на подступах к станции Орёл и помогавшая в спасении раненых из лазарета № 3 (раскрыта и расстреляна немцами в декабре 1941 г.); группа Владимира Сечкина и Нины Алексеевой — готовившая в октябре 1942 г. взрыв немецкого театрального вечера и арестованная за два дня до акции из-за доноса предателя; молодёжная группа Валентина Берзина, оставившего сохранившийся дневник 1941–1942 гг. Среди наиболее громких акций орловского подполья — взрыв 11 ноября 1941 г. гостиницы «Коммуналь», где находилось около 150 офицеров резерва танковой армии Гудериана.³⁴

Гуманитарная обстановка в оккупированном Орле была крайне тяжёлой. Водопроводная станция была выведена из строя, электричество отсутствовало. Жители были вынуждены носить воду из реки и колодцев. Топлива не было — люди сжигали заборы, мебель, книги; попытки спилить дерево или столб карались расстрелом. Продовольствия катастрофически не хватало: «пайки» состояли из 40 граммов гнилой сои и нескольких граммов суррогата масла. С наступлением зимы 1941–1942 гг. ударили сильные морозы, которые не отпускали до самой весны. К началу 1942 г. начался мор — люди погибали от голода, холода и болезней.³⁵

В первые месяцы оккупации городское хозяйство было полностью парализовано: не работало ни одно промышленное предприятие, торговля прекратилась, Орловский рынок пустовал, соль использовалась как заменитель денег при натуральном обмене; всё трудоспособное население, не имевшее работы, привлекалось к очистке дорог от снега зимой и к их ремонту летом, уклонение от работ строго каралось.³⁶ Стремясь избежать тяжёлого уличного труда, многие жители брали патенты на кустарное ремесло или устраивались в немецкие учреждения с оплатой в оккупационных марках (при курсе 1 марка = 10 рублей):

³⁴ Подпольное движение // Балакин Ю. Н. Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 60–63.

³⁵ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

³⁶ «Справка» М. П. С-го от 31 августа 1962 г. // *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича... С. 31–35.

орловский подпольщик Валентин Берзин записал в дневнике: «Стал работать мотористом в немецком госпитале. Платят 14 марок в 10 дней»³⁷; будущий орловский офтальмолог В. Л. Цветков после периода работы в Областной больнице на время устроился в часовую мастерскую.³⁸ Русские врачи, оставшиеся в городе, прибегали к частной практике и обмену своих услуг на продукты в окрестных деревнях, чтобы добыть еду для больных своих отделений.³⁹

Оккупационный режим в Орле отличался жестокостью. Жителей расстреливали за появление на улицах после наступления темноты, подвергали казни через повешение «за плохую работу», «за саботаж», «за неподчинение».⁴⁰

За время оккупации Орловской области были убиты и замучены 4243 мирных жителя (расстреляны, повешены, сожжены), 56 490 человек были угнаны на каторжные работы в Германию. Общие потери региона составили более 620 тысяч человек. Было расстреляно 8111 советских военнопленных.⁴¹

Особую жестокость оккупанты проявляли по отношению к еврейскому населению. По неполным архивным данным, в период оккупации Орла было расстреляно более 220 человек еврейской национальности, в том числе 22 ребёнка.⁴² По свидетельству орловского подпольщика В. О. Берзина, зафиксированному в его дневнике в конце 1941 г., «уже до декабря 1941 г. в Орле не осталось буквально ни одного еврея».⁴³ Даже советских военнопленных принуждали участвовать в захоронении казнённых: сохранились свидетельства о массовых

³⁷ Дневник В. О. Берзина (записи 1941–1942 гг.) // Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 28, 33.

³⁸ Осторожно, опасная инфекция! // *Цветков В. Л.* Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. — 2002 — С. 122.

³⁹ Очерк «Подвиг врачей "Русской больницы"» // Орловский военный вестник. Вып. 4. — 2016 — С. 68.

⁴⁰ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁴¹ Без срока давности. Орловская область... С. 52.

⁴² *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 146.

⁴³ Дневник Валентина Берзина (запись от 30 октября 1941 г.) // Орловский военный вестник. Вып. 4: 75 лет начала оккупации Орла. — 2016 — С. 28.

расстрелях евреев в Андриабужском лесу близ Орла, где пленный шофёр был заставлен утрамбовывать машиной свежезакопанные ямы.⁴⁴

В здании Орловского централа (тюрьмы) и на прилегающей территории, обнесённой колючей проволокой, немцы организовали концентрационный лагерь для военнопленных и гражданских лиц, арестованных гестапо и жандармерией. Лагерь официально имел название «Армейский сборный пункт № 20 2-й танковой Германской армии» и являлся самым крупным концлагерем, действовавшим на территории Орловской области.⁴⁵ Условия содержания были нечеловеческими: тысячи людей погибали от голода, и тысячи были расстреляны. Всего на территории Орловской области действовало 25 концентрационных лагерей для военнопленных и гражданского населения. По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии, расследовавшей преступления нацистов, по приказу коменданта Гаманна в городской тюрьме и лагере для военнопленных было расстреляно около 5 тысяч советских граждан.⁴⁶

Трагической оказалась участь пациентов психиатрической больницы: 72 человека были убиты оккупантами. Также трагична судьба около 500 раненых из лазарета № 3 на Володарском переулке: в феврале 1942 г. гитлеровцы, объявив об «эвакуации», раздели и разули людей, поместили их в неотапливаемые товарные вагоны и отправили на Запад. В пути людям не давали ни воды, ни пищи. Почти все погибли, в том числе А. С. Минаковский — военврач, один из хирургов «Русской больницы» и ближайший помощник С. П. Протопопова⁴⁷. В живых остались только двое.⁴⁸

30 декабря 1945 г. комендант Гаманн был осуждён советским военным трибуналом и повешен в Брянске. Брянский региональный военный трибунал установил, что Гаманн и его подельники «осуществили заранее спланированное уничтожение городов и населённых пунктов вместе с разрушением промышленных зданий, больниц, санаториев, учебных и других

⁴⁴ Краснова Н.Л. Свидетельство. Записал Тугарев А.С. Цит. по: *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 146.

⁴⁵ Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 119–120.

⁴⁶ *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 145.

⁴⁷ Путь длиною в 220 лет... С. 114.

⁴⁸ Из выступления М. М. Мартынова на заседании Орловского научно-медицинского общества (декабрь 1961 г.) // Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 114.

культурно-просветительных учреждений, а также жилых домов». Приговор Брянского трибунала был представлен на Нюрнбергском процессе советским обвинением в составе документа USSR-90.⁴⁹

Главным печатным органом оккупационной администрации стала газета «Речь», выходившая под редакцией М. Октана (Ильина) с заместителем В.Д. Самариным (Соколовым). Газета публиковала распоряжения властей, пропагандистские статьи и объявления, рассказывая о преимуществах «нового порядка». В городе также действовали драматический и кукольный театры, организованные при содействии роты пропаганды вермахта.⁵⁰

Важным аспектом периода оккупации стало возрождение церковной жизни. Этому предшествовали два десятилетия активной антирелигиозной кампании: к началу войны Союз воинствующих безбожников (СВБ) Орловской области насчитывал около 30 тысяч членов⁵¹. Из сотен храмов дореволюционной Орловской епархии к 1941 г. на территории современной Орловской области действовали лишь два — Рождественский в Болхове и Никольский в селе Лепёшкино; после ареста и расстрела в 1937 г. правящего епископа Иннокентия (Никифорова) епархия оставалась без руководства.⁵²

В рамках антисоветской политики немцы не препятствовали открытию ранее закрытых большевиками храмов: к 1943 г. в Орловской области, по неполным данным, действовало или готовилось к освящению 34 православных храма. Формально Орловская епархия входила в Среднеевропейский митрополичий округ во главе с митрополитом Серафимом (Ляде) в Берлине; административный надзор за церквями осуществлял гражданский чиновник из белоэмигрантов по фамилии Константинов. На службах бывало много народа; при храмах создавались приходские попечительства, помогавшие бедным, престарелым, семьям фронтовиков и военнопленным.⁵³ Священники были вынуждены балансировать между антибольшевистской и пронемецкой риторикой. За антигитлеровскую проповедь в 1942 г.

⁴⁹ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. VIII. — Nuremberg, 1947. — P. 4867–4883 (USSR-90).

⁵⁰ Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 58.

⁵¹ За воинствующий атеизм...

⁵² Перельгин А. И. Орловская епархия... С. 135.

⁵³ Там же. С. 135–136, 139–140, 143.

гестапо были расстреляны священник Богоявленского собора Тихон Орлов и священник Оболенский.⁵⁴

Планы нацистов в отношении церкви были далеки от благодушия. В оперативном приказе № 10 Главного управления имперской безопасности прямо говорилось: «О поддержке Православной Церкви не может быть и речи... Расщепление на отдельные церковные группы, наоборот, желательно».⁵⁵ Церковная жизнь строго контролировалась: колокольный звон запрещён, для крестных ходов требовалось разрешение командования, финансовая деятельность приходов проверялась, а надзор за церквями поручен гражданскому чиновнику.⁵⁶

Английский журналист Александр Верт, посетивший освобождённый Орёл в 1943 г., точно охарактеризовал итоги немецкой церковной политики: «Церкви в Орле процветали, но они превратились, чего немцы не ожидали, в активные центры русского национального самосознания... именно церкви неофициально создали кружки взаимной помощи, чтобы помочь самым бедным и оказывать поддержку военнопленным... церкви стали центрами "русицизма" вопреки ожиданиям немцев, что церкви превратятся в очаги антисоветской пропаганды».⁵⁷

Освобождение Орла стало частью Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов», проводившейся с 12 июля по 18 августа 1943 г. в ходе Курской битвы. В операции участвовали войска трёх фронтов: Западного (командующий — генерал-полковник В.Д. Соколовский), Брянского (генерал-полковник М.М. Попов) и Центрального (генерал армии К.К. Рокоссовский). Непосредственно в боях за Орёл участвовали 3-я и 63-я армии Брянского фронта.⁵⁸

3 августа 1943 г. передовые части Брянского фронта начали бои за освобождение Орла. Утром 5 августа 1943 г., после ожесточённых уличных боёв, город был полностью освобождён от немецко-фашистских захватчиков. Орловчане встречали наших воинов с цветами, с огромной радостью. В тот же вечер в Москве впервые за всю войну был произведён

⁵⁴ Там же. С. 146.

⁵⁵ Там же. С. 140–141.

⁵⁶ Там же. С. 139, 141.

⁵⁷ Верт А. Россия в войне 1941–1945 — 1967 — С. 501–502.

⁵⁸ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: Т. 3. — 1961 — С. 270–298.

торжественный артиллерийский салют — 12 залпов из 120 орудий — в честь освобождения Орла и Белгорода. Так Орёл стал городом Первого салюта.⁵⁹

Город, встретивший освободителей, лежал в руинах. Были разрушены все предприятия, взорваны мосты и электростанции, выведены из строя водопровод и трамвайная сеть. Уничтожены более 2200 жилых домов, 33 учебных заведения, телефонная станция, учреждения культуры, магазины, детские сады. Общий ущерб составил 912 млн. советских рублей. Если до оккупации в Орле проживало 114 тысяч человек, то после освобождения насчитывалось около 30 тысяч.⁶⁰

Писатель А.С. Серафимович, побывавший в Орле после освобождения, свидетельствовал: «Прекрасные здания старинного города были превращены в груды дымящихся чёрных кирпичей. Мосты, дороги, колодцы, электростанции, водопровод — всё было взорвано: ни воды, ни света, ни проезда. В этих руинах нельзя было жить. А жизнь разгоралась».⁶¹

1.2. Создание «Русской больницы»

К началу оккупации в Орле действовала Областная больница им. МОПРа — крупнейшее лечебное учреждение города, занимавшее квартал в Школьном переулке (ныне бульвар Победы, территория Орловской Областной Клинической Больницы); инфекционное отделение — «заразные бараки» — располагалось обособленно, в деревянных корпусах за глухим дощатым забором. С началом войны на базе больницы было дополнительно открыто 100 коек для инфекционных военнослужащих, обслуживание которых также поручили заведующему отделением В. И. Турбину⁶². В это же время в городе работал Окружной военный госпиталь № 399. Это был комплекс из 3 зданий: в настоящее время сохранился корпус №3 (совр. ул. Панчука, 6); корпуса №1 и №2 не сохранились, сейчас это территория Средней общеобразовательной школы № 23 (ул. Панчука, 4). Госпиталь №399 принимал раненых

⁵⁹ Там же. С. 296–298.

⁶⁰ *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁶¹ Серафимович А.С. Цит. по: *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁶² Турбин В. И. Воспоминания // *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича. — 2021 — С. 37.

красноармейцев; на 3 октября 1941 г. в нём оставались 576 тяжелораненых, не успевших эвакуироваться⁶³.

Утром 3 октября 1941 г. передовые части 2-й танковой группы Г. Гудериана без боя вошли в Орёл (см. § 1.1), и началась оккупация города. Начальник госпиталя № 399 военврач 3-го ранга Н. Т. Матросов приказал по одному военврачу остаться при каждом из трех корпусов; этими врачами стали С. П. Протопопов, Б. Н. Гусев и А. А. Беляев⁶⁴. Начальник армейской госпитальной базы бригадный врач В. А. Смирнов, предугадывая действия оккупационных властей, официально представился немцам, которые назначили его куратором «русских» лечебных учреждений. Врач понимал, что больница для гражданских обязательно будет работать: немцы боялись инфекций и нуждались в рабочей силе. Под прикрытием этой больницы можно было спасать раненых солдат⁶⁵. По воспоминаниям В. И. Турбина, при появлении немцев матери уносили детей, ходячие больные разбегались сами; в инфекционном отделении осталось 26 военнослужащих, больных дизентерией, — их истории болезни были немедленно переписаны как на гражданских лиц⁶⁶.

В первый день немцы заняли лучшие здания города, в том числе военный госпиталь №399 под свой лазарет, выбросив русских раненых на улицу.⁶⁷ Сотрудники госпиталя не оставили своих пациентов, решив переправить их в инфекционное отделение Областной больницы им. МОПРа. Согласно воспоминаниям С. П. Протопопова и В.Л. Цветкова, переправа раненых в инфекционное отделение Областной больницы продолжалась всю ночь с 3 на 4 октября: «На носилках, на тележках, на досках, с помощью любых подручных средств» раненых несли с противоположного конца города⁶⁸. Перенести за ночь большое количество тяжёлых больных силами одного медперсонала было невозможно: согласно Протопопову, «население уже в это время помогало раненым» — горожане шли к госпиталю, помогая нести

⁶³ *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 148.

⁶⁴ *Путь длиною в 220 лет...* С. 113.

⁶⁵ *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

⁶⁶ *Турбин В. И.* Воспоминания... С. 37–38.

⁶⁷ *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

⁶⁸ Там же.

их на самодельных носилках⁶⁹. Тогда же В. А. Смирнов и завхоз госпиталя С. С. Петухов вывезли со склада остатки медикаментов и инструментов; аналогичный резерв утаили заведующая больничной аптекой М. А. Зайцева и провизор П. В. Чикина⁷⁰.

Итак, здания военного госпиталя, кроме 3-го корпуса, были заняты немцами. Пациентов из корпусов №1 и 2 за ночь переместили в областную больницу им. МОПРа, сюда же подтянулись раненые из других оставленных в Орле госпиталей. Таким образом, в областной больнице собралось около тысячи раненых⁷¹.

Утром 4 октября во двор инфекционного отделения, заполненный стонущими ранеными, явился немецкий офицер и заявил В. И. Турбину: «Это наши военнопленные. Завтра вы должны перевезти их в пункт сбора военнопленных. Если вы этого не сделаете, через час все врачи будут расстреляны»⁷². Пунктом сбора был Орловский централ, превращённый в концлагерь. Турбин стал главным организатором приёма: он сам занимался диагностикой и лечением, а медсёстры Н. И. Меркулова (Яичкина), И. Вашурина, М. М. Юрасова, О. И. Евсютина переписывали истории болезни, выдавая красноармейцев и командиров за гражданских лиц - колхозников и жителей Орла⁷³; на заборе появились надписи на немецком и русском: «Не входить. Заразная болезнь».

5 октября 1941 г. на общем собрании медицинских работников военного госпиталя и персонала Областной больницы произошло объединение двух коллективов; новое лечебное учреждение получило название «Русская больница» (в противовес немецким госпиталям, развернутым в Орле). Главным врачом был избран В. А. Смирнов как старший по званию; заместителем по лечебной части стал А. А. Беляев⁷⁴. Хирургическое подразделение возглавили С. П. Протопопов и Б. Н. Гусев; правой рукой Протопопова стал военврач-хирург А. С. Минаковский. Оккупационные власти не закрыли больницу: они опасались эпидемических

⁶⁹ Врачебный долг и война // *Протопопов С. П.* Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 117–118.

⁷⁰ Путь длиною в 220 лет... С. 109.

⁷¹ *Саран А. Ю.* Фашистские застенки. Концлагеря и тюрьмы оккупированной Орловщины 1941–1943 гг. Орел: Картуш — 2026 — С. 400.

⁷² *Перельгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

⁷³ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, ок. 1966 г. Л. 68.

⁷⁴ Путь длиною в 220 лет... С. 109, 113.

вспышек тифа в важном стратегическом пункте и стремились использовать военнопленных как бесплатную рабочую силу⁷⁵. Вместе с тем, как сообщает А. Ю. Саран, «в декабре 1941 г. они распорядились всех выздоравливающих переводить в концлагерь»⁷⁶.

Медсестра Вера Петровна Кушевич, работавшая под началом глазного врача В. Н. Преображенского, вспоминала: «Работа нас не кормила, заработной платы за месяц едва хватало на тарелку картошки, поэтому мы после работы ходили по полям, раскапывали землю, искали оставшуюся картошку. ... Но мы на работу все же ходили. В нашей работе нуждались люди, свои, русские люди. И, кроме того, наша работа нас освобождала от работы на немцев и от отправки в Германию на принудительные работы».⁷⁷

Следующий важный эпизод произошел в ночь на 16 декабря 1941 г. «Когда на улице был трескучий мороз», гитлеровцы ворвались на территорию Областной больницы и под угрозой расстрела трёх первых попавшихся под руку врачей потребовали в течение получаса освободить главный корпус; причиной стало контрнаступление Красной Армии под Москвой и потребность в помещениях для немецких раненых, которых доставляли в тыл на излечение⁷⁸. Раненых распределили по трём направлениям: всех военных переправили в корпус № 3 бывшего госпиталя № 399 (рассчитанный на 250 коек, он принял свыше 900 человек); часть гражданских — в деревянные бараки инфекционного отделения; около ста тяжёлых на сохранившейся больничной лошади перевезли в психиатрическую больницу в д. Кишкинка под Орлом. Б. Н. Гусев остался при раненых у В. И. Турбина, А. А. Беляев отправился в Кишкинку, С. П. Протопопов — в корпус № 3⁷⁹.

Период зимы-лета 1942 г. сопровождался перемещениями отделов «Русской больницы». В феврале 1942 г. гитлеровцы под предлогом «эвакуации» вывезли из корпуса №3 около 500 раненых, погрузили в товарный эшелон и отправили на Запад. В дороге из-за отсутствия ухода, питания и даже отопления, раненые погибли; в живых остались двое — лётчик В. И. Шилов и танкист по имени Костя; ушедший с эшелоном врач А. С. Минаковский

⁷⁵ Там же. С. 109.

⁷⁶ Саран А. Ю. Фашистские застенки... С. 400.

⁷⁷ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания В. П. Кушевич, медсестры «Русской больницы». Л. 27.

⁷⁸ Из выступления М. М. Мартынова... С. 113.

⁷⁹ Там же. С. 113–114.

умер на руках у Шилова. К концу февраля в корпусе оставалось около 250 раненых, которых переправили в Кишкинку. В мае 1942 г. Протопопова выселили в полуразрушенное здание биофабрики под Орлом, а в августе 1942 г. перевели в Орёл, на ул. Тургенева, д. 27, где уже работал Б. Н. Гусев⁸⁰. В.И. Турбин вспоминал, что весной 1942 г. все отделения больницы, кроме инфекционного, перешли в освободившееся на Тургеневской улице здание, и в бараках осталось одно инфекционное отделение.⁸¹ Таким образом, «Русская больница» была рассосредоточена по нескольким зданиям в городе, у каждого отделения был свой врач-руководитель.

Главной задачей врачей было удержать больных в стенах «Русской больницы» до освобождения, не допустив отправки в концлагерь или «эвакуации» в немецкий тыл. Помимо непосредственно лечения и спасения жизней пациентов, врачи шли на некоторые профессиональные хитрости. С. П. Протопопов приводит следующие случаи: «У лётчика Синицына уже на зажившем переломе таза мы держали обширную гипсовую повязку до освобождения Орла; у Прокофьева поддерживали незаживание свища мочевого пузыря с этой же целью. С приходом наших частей свищ у него зажил в течение недели»⁸² Хирурги, по тому же свидетельству, «помогали больным симулировать осложнения ранений, гнойные процессы, даже шок»; в день, когда немцы собирались увезти бойца на допрос, его тайком обкалывали снотворным⁸³. Вторым ключевым приёмом было систематическое списание выздоравливающих как умерших: патологоанатом В. Е. Фарафонов «аккуратно вёл список умерших и предъявлял его жандармам».⁸⁴ Выздоровливающим же выписывали справки о том, что они — местные жители, переболевшие, к примеру, тифом; их переодевали в гражданскую одежду, которую сами врачи собирали у родственников (по воспоминаниям Турбина, он отдал больным даже одежду брата, ушедшего на фронт, и часть собственной)⁸⁵. Часть выздоровевших ставили «на легальное положение» под видом родственников в домах

⁸⁰ Там же. С. 114–115.

⁸¹ Турбин В. И. Воспоминания... С. 39.

⁸² Протопопов С. П. Врачебный долг и война... С. 119.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Путь длиною в 220 лет... С. 110–111.

⁸⁵ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–38.

медсестёр; других направляли в партизанские отряды или через линию фронта с помощью орловского подполья. Существенную роль в выживании пациентов играла помощь местного населения: жители города приносили в больницу еду - суп, варёную картошку и другие продукты, а отдельные семьи (например, семья Сергеевых, обеспечивавшая лётчика А. Д. Гомзикова на протяжении более чем годовичного срока) брали полное содержание раненого на себя⁸⁶.

Оценки масштаба врачебной помощи различаются в зависимости от того, по какому подразделению они даны: С. П. Протопопов опирался на собственный именной список хирургического отделения (412 раненых, прошедших через корпус № 3 и Тургеневскую улицу, в их числе лётчики К. И. Сеницын и А. Д. Гомзиков, танкист И. И. Захаров, партизаны Ущербов и Марков)⁸⁷; В. Л. Цветков же, обобщая работу всей «Русской больницы» (инфекционное, хирургическое отделения и тюремный филиал), утверждал, что «не считая гражданских лиц, «Русская больница» спасла около тысячи бойцов и командиров Советской Армии»⁸⁸.

Вместе с тем В. Л. Цветков прямо отмечал, что далеко не всех раненых удавалось спасти: «Я то и дело был свидетелем, как к нам привозили действительно тяжелобольных, иногда агонизирующих, а утром у ворот складывали трупы, которые увозили на санях на кладбище»⁸⁹. В день освобождения Орла 5 августа 1943 г. «Русская больница» передала командованию Красной Армии свыше 200 бойцов и офицеров (в том числе 152 бывших узника концлагеря) и 22 боевых лётчика. Кроме того, в последние дни оккупации, воспользовавшись замешательством немцев, врачи сумели вывезти из лагеря военнопленных и укрыть ещё 135 человек.

Посетивший больницу в день освобождения академик Н. Н. Бурденко сказал: «... у вас тут настоящий подпольный госпиталь. Это выигранное сражение!»⁹⁰. Почетный гражданин Орла, участвовавший в его освобождении, маршал И.Х. Баграмян писал в 1964 г.: «Так

⁸⁶ Протопопов С. П. Врачебный долг и война... С. 119–120.

⁸⁷ Из воспоминаний С. П. Протопопова // С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сборник документов — 2015 — С. 149.

⁸⁸ Перельгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

⁸⁹ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 121.

⁹⁰ Путь длиною в 220 лет... С. 111–112.

называемая «русская больница» в оккупированном фашистами Орле, являвшаяся своеобразным подпольным военным госпиталем, не только спасла многих наших летчиков, танкистов, артиллеристов, пехотинцев от гибели в плену, но помогла им возвратиться в ряды защитников Родины. Существование подпольного военного госпиталя и деятельность его бесстрашного персонала похожи на волнующую легенду, хотя это – самая подлинная быль о советских патриотах».⁹¹

Некоторые пациенты «Русской больницы» оставили письма и воспоминания о ней. Так, лётчик А. Д. Гомзилов, сбитый над Орлом 7 июня 1942 г. и вылеченный в больнице, в письмах 19 сентября 1943 г. и 4 января 1944 г. писал С.П. Протопопову: «Я только знаю одно, что Вы спасли мою жизнь... Один меня породил, второй вернул мне жизнь»⁹². Кроме того, А. Д. Гомзилов оставил развёрнутые воспоминания о крушении своего бомбардировщика, пленении и лечении в «Русской больнице», изложенные в письме исследователю орловского подполья М. М. Мартынову (декабрь 1960 г.)⁹³. Лётчик-истребитель К. И. Сеницын в письме 25 сентября 1943 г. благодарил С.П. Протопопова: «Сумели вырвать из кровавых лап немецких захватчиков»⁹⁴; его благодарственное письмо было опубликовано писателем Дм. Щегловым в газете «Московский литератор» 29 октября 1959 г. Сохранились также: письмо спасенного в «Русской больнице» лётчика В. И. Шилова исследователю орловского подполья М. М. Мартынову (10 февраля 1961 г.)⁹⁵; письмо капитана НКВД В. Маркова (1943 г.)⁹⁶ и воспоминания военврача Е. А. Фёдорова, укрытого Протопоповым и Гусевым «под видом

⁹¹ Баграмян И. Х. Воспоминания о «Русской больнице», 1964 г. // *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

⁹² Письма А. Д. Гомзикова С. П. Протопопову, 19 сентября 1943 г. и 4 января 1944 г. // *С правдой о войне...* С. 151–152.

⁹³ Воспоминания А. Д. Гомзикова (письмо М. М. Мартынову, декабрь 1960 г.) приведены в публикации: *Кондакова Л. М.* В небе над Орлом // Орловская правда: сетевое издание. 01.08.2023. URL: <https://regionorel.ru/news/v-nebe-nad-orlom/>. Оригинал письма — ГАОО. Ф. Р-3976.

⁹⁴ Письмо К. И. Сеницына С. П. Протопопову, 25 сентября 1943 г. // *С правдой о войне...* С. 153.

⁹⁵ Письмо лётчика В. Шилова писателю М. М. Мартынову, 10 февраля 1961 г. // Орловский военный вестник... Вып. 4. С. 97–98.

⁹⁶ Письмо капитана В. Маркова, бывшего заместителя начальника управления НКВД по Киевской области, цит. в письме писателя А. Г. Глебова начальнику тыла РККА генерал-полковнику А. В. Хрулёву от 15 декабря 1943 г. // *Путь длиною в 220 лет...* С. 127–128.

тяжелораненого»⁹⁷. Особое место занимает заявление В. И. Дмитриевского, укрытого Турбиным в инфекционном отделении в последние недели оккупации, в Наградной отдел Орлисполкома (1965 г.) — оно поспособствовало награждению сотрудников инфекционного отделения и самого Турбина медалями⁹⁸.

Судьба участников «Русской больницы» в послевоенные годы сложилась по-разному. Главврач В. А. Смирнов выдержал «сто мучительных дней» проверки: обвинения в сотрудничестве с оккупантами против него отпали, однако в 1945 г. он был уволен в запас «за невозможностью использования», а время работы в оккупированном Орле вычеркнули из его стажа. Приказ о восстановлении его в воинском звании полковника медицинской службы был издан лишь 24 апреля 1958 г., когда Смирнов «доживал уже последние дни», — в том же году он умер от инфаркта.⁹⁹ Медалью «За отвагу» он был награждён посмертно — Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 сентября 1965 г.¹⁰⁰ С. П. Протопопов и Б. Н. Гусев сразу после освобождения города работали с Н. Н. Бурденко: при приезде в Орёл тот включил обоих врачей в состав правительственной комиссии по расследованию немецких зверств.¹⁰¹ В. И. Турбин был арестован «буквально на следующий день после освобождения города» по обвинению в сотрудничестве с оккупантами — вместе со многими из тех, кто работал с ним.¹⁰² Через несколько месяцев он был освобождён и продолжил работу: как отмечает В. И. Переверзев, «слова генерала Бурденко оказали воздействие».¹⁰³ Медицинские сёстры продолжили работать в больнице, возобновлённой в декабре 1943 г. на базе подпольного

⁹⁷ Протопопов С. П. Врачебный долг и война... С. 119.

⁹⁸ Заявление В. И. Дмитриевского в Наградной отдел Орловского облисполкома // Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 128.

⁹⁹ Послесловие из книги «Подпольный госпиталь» // Мартынов М. М., Эвентов А. М. Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 126–127.

¹⁰⁰ Из Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 2 сентября 1965 г. // Путь длиною в 220 лет... С. 129.

¹⁰¹ Письмо писателя А. Г. Глебова начальнику тыла РККА генерал-полковнику А. В. Хрулёву от 15 декабря 1943 г. // Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 127.

¹⁰² Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁰³ Переверзев В. И. Легенда Орла...

госпиталя.¹⁰⁴ Протопопов впоследствии вернулся в московский Институт хирургии, защитил докторскую диссертацию и стал профессором.¹⁰⁵

Подводя итог первой главе, отметим следующее. Захват Орла войсками 2-й танковой группы Г. Гудериана 3 октября 1941 г. произошёл стремительно и практически без боя; эвакуация населения и медицинских учреждений была сорвана, и в городе остались тысячи раненых красноармейцев. Установившийся оккупационный режим характеризовался тяжёлой гуманитарной обстановкой, разрушением инфраструктуры, массовым террором и казнями: общие потери региона за время оккупации составили более 620 тыс. человек (4 243 убитых и замученных мирных жителей, 56 490 угнанных на работы в Германию, 8 111 расстрелянных военнопленных). В этих условиях в городе действовало сильное подпольное и партизанское движение, с которым оказалась тесно связана и медицинская среда. Именно в такой обстановке врачи разрозненных лечебных учреждений — окружного военного госпиталя № 399 и Областной больницы им. МОПРа — приняли решение объединить раненых под единой крышей: 5 октября 1941 г. было сформировано лечебное учреждение, получившее название «Русская больница». Её уникальность состояла в том, что под прикрытием гражданской больницы, формально подчинённой оккупационной администрации, удавалось спасать и военнопленных из орловского концлагеря. Ключевым звеном этой системы стало инфекционное отделение, которым заведовал В. И. Турбин: обособленное расположение за глухим забором и статус «заразного» очага, которого панически боялись немцы, превратили отделение в фактически единственное место в городе, где можно было укрыть и сохранить большое число раненых красноармейцев. За время оккупации все подразделения «Русской больницы» спасли, по разным оценкам, около тысячи бойцов и командиров Красной армии.

¹⁰⁴ Путь длиною в 220 лет... С. 112.

¹⁰⁵ Там же, С. 125–126.

Глава 2. Работа В. И. Турбина в оккупированном Орле

2.1. Основные вехи биографии В. И. Турбина

Владимир Иванович Турбин родился 20 февраля 1905 г. в городе Орле на Заострожной улице (ныне ул. Ермолова) в многодетной семье надворного советника Ивана Ивановича Турбина и его жены Анны Ивановны (в девичестве Раевской). Крестили мальчика в Сретенской (Георгиевской) церкви города Орла.¹⁰⁶

Дворянский род Турбиных происходил из города Ливны и был широко известен на Орловщине. Турбины принадлежали к потомкам боярских детей, обосновавшихся в Орловском крае в середине XVII в. В дворянской родословной книге старшим в роду значится Анофрий Иванович Турбин, служивший в Белгородском полку «в копейщиках», а позднее в Ливнах «осадным головою» до 1689 г. Среди его потомков были священнослужители.¹⁰⁷

Род Турбиных был тесно связан родственными узами со знаменитой священнической династией Булгаковых. Эта связь нашла отражение в пьесе Михаила Булгакова «Дни Турбиных». Одна из дочерей протоиерея Михаила Васильевича Покровского и Анфисы Ивановны Турбиной — Варвара Михайловна — стала матерью писателя Михаила Афанасьевича Булгакова. С Турбиными был связан и религиозный философ протоиерей Сергей Булгаков, писавший в эмиграции: «Моя родина носит священное для меня имя Ливны».¹⁰⁸

Отец Владимира Ивановича, Иван Иванович Турбин, был сыном приходского священника села Кривцова Плота Ливенского уезда. После окончания четырёх классов Орловской духовной семинарии он поступил на гражданскую службу и служил делопроизводителем врачебного отделения губернского правления. Семья была глубоко верующей. В 1881 г. Иван Иванович женился на Анне Раевской, дочери священника. В браке родилось семнадцать детей, однако вырастить удалось лишь семерых — четырёх сыновей и

¹⁰⁶ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁰⁷ Власов В. А. Булгаковы, Покровские, Турбины... С. 54–64.

¹⁰⁸ Переверзев В. И. Легенда Орла...

трёх дочерей: пятеро детей умерли от скарлатины в течение одной недели, потом были ещё смерти. Иван Иванович скончался 24 ноября 1915 г., когда Владимиру было десять лет.¹⁰⁹

Владимир Турбин обучался в Первой мужской гимназии города Орла. После революции окончил биологическое отделение Орловского рабфака. В 1923 г. поступил в Харьковский медицинский институт, который окончил в 1928 г.

Он не собирался быть врачом, он хотел быть историком. Такому решению способствовали путешествия по книгам богатой домашней библиотеки, собираемой всю жизнь родителями, а затем старшим братом и сёстрами. После смерти отца мама была непререкаемым авторитетом, она сказала: «Будешь врачом». К этому времени в семье уже были юрист, две учительницы, учился на зоотехника ещё один старший брат — Алексей. Высокий уровень домашней подготовки позволил Владимиру успешно поступить в институт.

Уже в преклонных годах Турбин рассказывал: «На первом курсе, когда начался анатомический театр, писал я домой: „Вы мне отравили жизнь!“ Но прошёл первый курс, а на втором я уже втянулся, и профессия врача начала нравиться. К окончанию института я своё дело уже полюбил. Так что мудрых старших надо слушаться».¹¹⁰

После окончания института В.И. Турбин прошёл стажировку в Орловской окружной больнице № 1 в должности стажирующегося врача инфекционного отделения и получил свидетельство (1929). Затем работал заведующим отделением в больнице села Салтыки Кромского уезда.¹¹¹

В 1932 г. Владимир Иванович вернулся в Орёл и поступил на работу в инфекционное отделение областной больницы (больницы МОПРа), где проработает всю оставшуюся жизнь — вплоть до выхода на пенсию 1 июля 1969 г. Уже в 1934 г. он был назначен заведующим инфекционным отделением. До 1939 г. совмещал работу и в железнодорожной поликлинике. Помимо лечебной работы, Турбин преподавал в фельдшерско-акушерской школе физиологию, анатомию и другие медицинские науки.¹¹²

¹⁰⁹ Минакова Е.Д. Воспоминания о семье Турбиных // Частный архив. Цит. по: *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

¹¹⁰ Чаадаев Н. Два доктора // Поколение. 2000. 10 марта. Цит. по: *Путь длиною в 220 лет...* С. 124–125.

¹¹¹ *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

¹¹² Там же.

В эпоху жестоких гонений на Русскую Православную Церковь В.И. Турбин сохранял веру, верность Православной Церкви и мирно, но непримиримо боролся с безбожием собственным примером. 21 марта 1934 г., в Великий Вторник, он принял тайный монашеский постриг с именем Никон в честь преподобного Никона Печерского. Постриг совершил будущий священномученик Александр (Щукин), архиепископ Орловский, расстрелянный в 1937 г. По свидетельству А.И. Перелыгина, в частном архиве сохранился документ¹¹³: «Сим свидетельствую, что Владимир Иванович Турбин пострижен в монашество в Великий Вторник 21 марта 1934 г. с наречением имени в честь преподобного Никона Печерского. Смиренный Александр, архиепископ Орловский. 21 сентября 1935 года».¹¹⁴

Принятие монашеского пострига в условиях советских репрессий против духовенства было актом исповедничества¹¹⁵. Церковь благословила Владимира Ивановича оставаться в миру, и он жил в миру по заветам Христа. Турбин был вынужден вести двойную жизнь: днём — уважаемый врач-инфекционист, вечером — тайный монах, молящийся перед иконами в своей комнате. По воспоминаниям современников, он всегда ходил в чёрном, разговаривал тихо, вёл аскетический образ жизни. В доме на углу улиц Маяковского и Розы Люксембург, где он проживал со своими сёстрами Еленой и Елизаветой, висели иконы в богатых окладах, жильцы дома постоянно молились. Ходили на службу в храм Смоленской иконы Божией Матери, соблюдали посты. В доме не было радио, жили очень замкнуто, бывали лишь родственники и некоторые знакомые¹¹⁶.

Для В.И. Турбина, монаха и врача, бескорыстие было не просто обетом нестяжания, а нормой жизни. По свидетельству Евгении Александровны Задернюк, его внучатой племянницы, дочери одной из воспитанных Владимиром Ивановичем племянниц, «если он приходил в незнакомый дом и видел, что семья нуждается, он незаметно оставлял под рецептом деньги»¹¹⁷. Несмотря на благодарность пациентов, приносивших деньги и подарки,

¹¹³ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 154.

¹¹⁷ Свидетельство Е.А. Задернюк, внучатой племянницы В.И. Турбина. Цит. по: Павлова Т. Тайный монах... С. 3.

в доме Турбиных вели скромный образ жизни: «Ели самую простую еду из эмалированной посуды, не носили украшений, не делали ценных покупок»¹¹⁸.

Также Е.А. Заdernюк свидетельствовала о В.И. Турбине: «Не помню его праздно сидящим, без дела. Он работал утром, днём и вечером. Он работал в больнице, принимал больных у себя — на улице Розы Люксембург был приёмный кабинет, он ездил к тяжелобольным на дом, преподавал в фельдшерской школе... Столько добрых дел значится за семьёй Турбиных — я равных не знаю. Уже одно то, что они воспитали восемь детей моей бабушки и ещё троих от брата Алексея Ивановича, которого репрессировали... Они всех приютили, всем дали образование. Но они не только для родственников старались — для всех, с кем сталкивала судьба»¹¹⁹.

Именно высокая человеческая нравственность лежала в основе его гражданского подвига по воспитанию одиннадцати детей из репрессированных семей брата и сестры. Эти дети, согласно решению советской власти, были наделены статусом «лишенцев», то есть лишены возможности получать образование. Турбин не только их кормил, но и учил сам.¹²⁰

Как и перед всяким человеком, жизнь ставила Турбина перед нравственным выбором — он мог бы отказаться от опеки над племянниками из опальных семей и при тогдашней морали даже заслужил бы этим отказом если не одобрение, то доверие властей. Он мог бы отказаться принимать больных в неурочное время. Но он не отказывался ни от одной ноши из тех, что взваливала жизнь на его плечи.¹²¹

До начала Великой Отечественной войны В.И. Турбин был единственным врачом в Орле, выполнявшим ночные вызовы. Позднее его знал уже весь город, его имя передавалось из уст в уста. Он был выдающимся диагностом, и к нему нередко обращались с последней надеждой на исцеление. По свидетельству современников, Турбина регулярно вызывали к тяжелобольным даже в ночное время; график его работы не оставлял времени на отдых.¹²²

¹¹⁸ *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 154.

¹¹⁹ Свидетельство Е.А. Заdernюк. Цит. по: *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

¹²⁰ *Павлова Т.* Тайный монах... С. 3.

¹²¹ Там же.

¹²² *Перелыгин А. И.* Орловская епархия... С. 154.

Здесь стоит привести ещё одно воспоминание Е.А. Заdernюк. Она, будучи ещё ребёнком, спросила деда, что побудило его так рисковать, ведь можно было просто отказаться, предоставив возможность другим врачам заниматься спасением раненых, тем более что советская власть, прямо скажем, не миловала Турбиных. Он ответил: «Родина одна, и когда на неё нападает враг — мы должны её спасать».¹²³

После освобождения Орла в 1943 г. Турбин несколько месяцев провёл в тюрьме по подозрению в сотрудничестве с оккупантами. Выйдя на свободу, он был смещён с должности заведующего отделением и несколько лет работал рядовым врачом. В военном билете капитана медицинской службы запаса В.И. Турбина есть графа, где записано: «Был в оккупации»¹²⁴. За ним, как за врагом народа, установили слежку, на него писали доносы и всячески притесняли¹²⁵. Его окружили атмосферой недоброжелательства и коллеги. Зло посмеивались даже над его дон-кихотской готовностью безотказно служить людям, даже его безукоризненный профессионализм раздражал. Одна из тогдашних пациенток Турбина вспоминала, как неприятно было видеть реакцию врачей инфекционной больницы на выписанный ей Турбиным рецепт с указанным точным диагнозом: врачи возбуждённо вертели в руках запись о диагнозе, созывали коллег из других кабинетов — посмеяться вместе над «самонадеянным выскочкой», как считали они. А диагноз через несколько дней подтвердился анализами и рентгеном.¹²⁶

В начале 1950-х гг. Турбин вновь стал заведующим отделением воздушно-капельных инфекций, где работал до выхода на пенсию. Там лежали дети с дифтерией, скарлатиной и другими тяжёлыми инфекционными заболеваниями. Лежали там и взрослые с брюшным и сыпным тифом, со столбняком, бешенством. Это были очень серьёзные болезни, требующие от врачей высокой квалификации, всесторонних знаний, огромной самоотдачи.¹²⁷

Особо стоит отметить несколько эпизодов церковной жизни В.И. Турбина. Известно, что он, не боясь советской власти и доносчиков, смело и открыто ходил в церковь —

¹²³ Свидетельство Е.А. Заdernюк. Цит. по: Павлова Т. Тайный монах... С. 3.

¹²⁴ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 153–154.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

Богоявленский собор в центре Орла, вновь открытый при немцах в декабре 1941 г., и Смоленскую церковь, расположенную недалеко от его дома на ул. Нормандия-Неман. После повторного закрытия Богоявленского собора в 1962 г. он молился и в Троицкой церкви. Вечером, перед сном, он молился дома — в небольшой комнате с иконами, где горели свечи и лампы, особенно в праздничные дни. Вместе с тем о том, что он монах, знали лишь самые близкие люди и никому не рассказывали; для остальных это казалось больше слухом или городской легендой.¹²⁸

По свидетельству геодезиста А. И. Платонова, в начале 1950-х снимавшего комнату в доме Турбиных, открытая религиозность доктора отталкивала от него людей: «Он ходил в церковь. А это отталкивало от него. Люди боялись, боялись быть причисленными к Владимиру Ивановичу. А он не боялся советской власти, шёл в церковь свободно»¹²⁹. Примечательно, что в разное время в Орле проживали члены Маросейской общины св. прав. Алексия и сщмч. Сергия Мечёвых: до войны, в 1930-е гг. — о. Борис Холчев¹³⁰ и будущий о. Валерий Поведский¹³¹, после войны — о. Владимир Отт¹³². С семьей Холчевых Турбины жили буквально на одной улице. Прямых свидетельств о знакомстве или каком-либо общении Турбина с будущим отцом Борисом и отцом Валерием на сегодняшний день нет. Вместе с тем вполне возможно, что дворянское происхождение, довоенная церковная жизнь Турбина, а также репрессии в отношении старшего брата¹³³ и пребывание в оккупации послужили в совокупности тому, что он постоянно находился под контролем советской власти. Люди опасались лишний раз говорить о какой-либо связи с ним, опасаясь за собственную свободу и безопасность. Турбин, понимая это, и сам в своих «Воспоминаниях» 1962 г. писал очень кратко

¹²⁸ Перельгин А. И. Орловская епархия... С. 153–154.

¹²⁹ Свидетельство А. И. Платонова. Цит. по: *Переверзев В. И.* Легенда Орла...

¹³⁰ Холчев Борис, архим. (1895–1971, уроженец г. Орла, член Маросейской общины) // *Азбука веры*: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Holchev/.

¹³¹ *Поведский В.* Автобиография // *Храм свт. Николая в Клённыхках*: [сайт]. URL: <http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-kliriki/165-povedskiy-avtobiografiy>.

¹³² *Русин В. М.*, свящ. «Горю желанием служить Церкви». Жизнеописание протоиерея Владимира Отта. Старый Оскол: Изд. Свято-Покровского храма с. Кунье Горшеченского р-на Курской обл., — 2008 — С. 7–16.

¹³³ Турбин Александр Иванович (1887 г. р., уроженец г. Орла, юрисконсульт завода им. Рыкова) арестован в 1935 г., приговорён к трём годам ИТЛ. См.: *Книга памяти Орловской обл.* // *Открытый список*: [база данных]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Турбин_Александр_Иванович_\(1887\)](https://ru.openlist.wiki/Турбин_Александр_Иванович_(1887)).

и не упоминал тех, для кого это могло представлять какую-либо угрозу. Можно предположить, что по этой причине он не назвал, например, своего коллегу по «Русской больнице» С.П. Протопопова, построившего после войны блестящую карьеру профессора в Москве. А Протопопов, в свою очередь, тоже нигде не упоминал о Владимире Ивановиче. Как итог, в советское время о Турбине почти не было публикаций, а воспоминания о нём как о враче и монахе начали появляться в публичном поле лишь в постсоветский период.

В 1946 г. после двадцати шести лет вновь была открыта Троице-Сергиева Лавра, началось возрождение монашеской жизни. Турбин сразу же захотел вступить в братию, но этого не удалось осуществить — там не оказалось места, монахи жили на частных квартирах. Об этом упоминается в письме наместника лавры: «На ваше письмо от 31 мая 1946 года, в котором Вы выражаете желание поступить в число братии Троице-Сергиевой лавры, я должен ответить, что вашу просьбу, к сожалению, удовлетворить нельзя, так как мы не имеем помещений и живём на частных квартирах. Наместник лавры архимандрит Гурий (Егоров). 10 июля, 1946 год, город Загорск. Троице-Сергиева лавра».¹³⁴

Оставшись в миру, Турбин продолжил работать в инфекционном отделении и втайне исполнял обязанности личного врача при архиепископе Орловском и Брянском Фотии (Топиро), правившем епархией в 1945–1947 гг. В то же время архиепископ Фотий совершил его священническую хиротонию, о чём свидетельствует справка от 10 декабря 1947 г.: «Дана иеромонаху Никону (Владимиру Ивановичу Турбину) в том, что он имеет законный постриг и каноническое рукоположение в сан пресвитера. Архиепископ Орловский и Брянский Фотий».¹³⁵

После пострижения в сан иеромонаха Никон (Турбин) молился за богослужениями уже в алтаре Богоявленского собора г. Орла и причащался по священническому чину.

В 1960 г. епископ Орловский Иероним (Захаров) обратился к уполномоченному Совета по делам Русской Православной Церкви Н. Звереву с просьбой назначить иеромонаха Никона (Турбина) в один из храмов епархии. Уполномоченный ответил отказом, переговорил с Турбиным и дал понять, что путь приходского священника для него закрыт.¹³⁶

¹³⁴ Павлова Т. Тайный монах... С. 3.

¹³⁵ Перельгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹³⁶ Перельгин А. И. Орловская епархия... С. 154.

Известно, что В.И. Турбин имел отношение к хранению мощей святителя Тихона Задонского. Его многое связывало с этим святым; икона Тихона Задонского всегда висела у него над кроватью. Мощи были перевезены в Орёл после разорения Задонского монастыря в 1937 г. и хранились в Богоявленском соборе. Летом 1959 г. областной комитет партии и органы госбезопасности инициировали освидетельствование мощей с целью провокации. Комиссия 19 июня — 2 июля 1959 г., созданная по благословению епископа Орловского и Брянского Иеронима (Захарова), включала настоятеля Богоявленского кафедрального собора протоиерея Николая Карасёва (председатель), ключаря собора протоиерея Алексея Беляева, доктора В. И. Турбина, настоятеля Афанасьевской церкви священника Владимира Отта и монахинь Августу и Ефросинию; комиссия установила, что в раке находятся именно мощи святителя, с небольшой утратой в костях носа и отсутствием большого пальца левой руки¹³⁷. Подтверждение Турбиным подлинности мощей было истолковано как «подлог»; против него были выдвинуты обвинения в нечистоплотности, корыстолюбии и желании занять высокий пост в церковной иерархии.

Это повлекло новую волну преследований, а также травлю в прессе.¹³⁸ Вышли разгромные статьи в журнале «Крокодил» и газете «Орловская правда». Образцом такого рода публикаций стала статья «Ложь, шитая белыми нитками», вышедшая 28 июля 1960 г. в «Орловской правде». Турбина в ней называли «гнусным лицемером», использующим церковь в средствах наживы; авторы скрылись под псевдонимами В. Бакаев и И. Михайлов¹³⁹. В августе того же года в редакцию «Орловской правды» поступило письмо В.И. Турбина, которое не увидело свет. Турбин писал: «С 1933 года я был единственным в Орле врачом, выполнявшим ночные вызовы в дождь, в бурю, в метель. Они были необычайно трудны для меня, но по моей вине не погибло ни одного ребёнка. Сотрудники „Орловской правды“, оплёвывая меня в газете, не захотели увидеть моего настоящего лица, а ведь я, возможно, спасал и их детей»¹⁴⁰.

¹³⁷ Мощи святителя Тихона Задонского и немощь атеистической пропаганды // Монастырский вестник. URL: <https://monasterium.ru/publikatsii/stati/moshchi-svyatitelya-tikhona-zadonskogo-i-nemoshch-ateisticheskoy-propagandy/>.

¹³⁸ Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 154.

¹³⁹ Бакаев В., Михайлов И. Ложь, шитая белыми нитками... С. 3.

¹⁴⁰ Письмо В.И. Турбина в редакцию «Орловской правды». Август 1960 г. Цит. по: Переверзев В. И. Легенда Орла...

Благодаря неравнодушию и письмам спасённых Турбиным в годы войны притеснения прекратились. Особенно важно было ходатайство врача В.И. Дмитриевского, которого Турбин укрыл под видом больного в своем отделении перед отступлением немцев, чтобы спасти от угона в Германию. 18 октября 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР В.И. Турбин вместе с несколькими коллегами был награждён медалью «За отвагу» — «за мужество и отвагу, проявленные в борьбе против немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». В 1968 г. приказом Министерства здравоохранения ему была объявлена благодарность «за многолетнюю хорошую работу по организации и оказанию лечебно-профилактической помощи населению».¹⁴¹

1 июля 1969 г. доктор Турбин вышел на пенсию, проработав в Орловской областной больнице 37 лет. Он продолжал принимать больных на дому до последних дней жизни. 22 апреля 1972 г. Владимир Иванович Турбин скончался от сердечного приступа и был похоронен на Троицком кладбище Орла. По свидетельству очевидцев, доктору Турбину в гроб положили монашеские облачения. На похороны собралась большая толпа людей, и, по словам медсестры О.И. Евсютиной, «все говорили, что у каждого он спас сына или дочь».¹⁴²

Свидетельство об обстоятельствах кончины В. И. Турбина сохранилось в письме. Анна Тимофеева, бывшая прихожанкой отца Владимира Отта в период его служения в Орле в 1958–1960 гг., писала ему по месту служения близ Старого Оскола в 1972 г. О. Владимир был знаком с В.И. Турбиным, в 1959 г. они вместе участвовали в работе комиссии по освидетельствованию мощей святителя Тихона Задонского. В письме, написанном по горячим следам, 7 мая 1972 г., Тимофеева сообщала: «...Слышали ли, что врач Турбин умер? Почти скоропостижно; говорят, вошёл в ванну у своего брата (или родственника) и вскоре вышел оттуда, сказав: „вызовите скорую помощь — мне плохо“. Когда привезли в больницу, то через 5 часов его не стало. Я не была даже знакома с ним, и то — жалко: он был верующим человеком...»¹⁴³ Письмо важно как свидетельство того, что В. И. Турбин был известен в городе, его имя передавалось из уст в уста: автор письма не была лично знакома с ним, но восприняла его уход как большую утрату.

¹⁴¹ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁴² Перелыгин А. И. Орловская епархия... С. 154.

¹⁴³ Письмо А. Тимофеевой (Орёл) — священнику Владимиру Отту (близ Старого Оскола), 07.05.1972 г. // Частный архив. Материал предоставлен Т.А. Васильевой (СФИ).

В настоящее время имя В.И. Турбина увековечено в Орле: его именем названа улица в Заводском районе, в музее Орловской областной клинической больницы размещены стенды, посвящённые «Русской больнице», и там же хранятся некоторые его вещи. В 2025 г. по благословению митрополита Орловского и Болховского Тихона (Доровских) было благоустроено место упокоения иеромонаха Никона (Турбина) на Троицком кладбище, а 16 июня 2025 г. на территории областной больницы (бульвар Победы, 10) открыта мемориальная доска в его честь.¹⁴⁴

2.2. Инфекционное отделение под руководством В. И. Турбина

Инфекционное отделение Областной больницы им. МОПРа, которым заведовал В.И. Турбин, располагалось обособленно, через дорогу от основной территории больницы и было окружено глухим деревянным забором. В наши дни на этом месте находится Областная Консультативная Поликлиника (Орел, бульвар Победы, д. 8), старые здания не сохранились.

Коллектив инфекционного отделения был не очень большим. Согласно списку сотрудников «Русской больницы», увековеченных в музее областной больницы, помимо заведующего В. И. Турбина в инфекционном отделении работали врачи Л. А. Цветкова, Ю. Н. Бондаренко, З. В. Горлевская и Н. А. Баяндин, фельдшер приёмного покоя И. Д. Мотренко, старшая медсестра М. М. Юрасова, медсёстры Н. И. Яичкина (Меркулова), О. И. Евсютина (Филипович) и И. Вашурина, несколько санитарок и нянь, а также истопник В. Л. Цветков.¹⁴⁵ Он, в будущем известный орловский офтальмолог, оставивший воспоминания об инфекционном отделении в годы войны, попал на работу в отделение к Турбину по стечению обстоятельств. Перед наступлением немцев его батальон не успел уйти из города, ему пришлось остаться в Орле и уйти в подполье, а его мать, Л. А. Цветкова, устроила его на работу санитаром-истопником.¹⁴⁶

Благодаря хорошему владению немецким языком врач Людмила Александровна Цветкова, при появлении немецких офицеров, вела с ними объяснения и убеждала их не

¹⁴⁴ *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

¹⁴⁵ Список сотрудников «Русской больницы», увековеченных в музее Орловской областной клинической больницы // Путь длиною в 220 лет... С. 132–133.

¹⁴⁶ *Цветков В. Л.* Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

заходить на территорию инфекционного отделения и в бараки.¹⁴⁷ Знание немецкого Цветковой также стало и оружием маскировки: её рукой на заборах отделения были выведены предупреждающие надписи — «тиф», «заразные болезни», «осторожно, опасная инфекция!». Немцы очень боялись заражения, и эти надписи на протяжении всей оккупации служили щитом, отпугивавшим их от бараков. В обмен на переводы медицинских статей Цветкова выпрашивала у немецких врачей лекарства, которые, по словам В. Л. Цветкова, «ценили на вес золота и использовали только для тяжёлых больных».¹⁴⁸

Условия работы были крайне тяжёлыми. Водонасосная станция не действовала — воду возили на лошади в бочке из Оки и носили вёдрами из колодца; бельё стирали в дезинфекционной камере; окна без стёкол закладывали кирпичом; помещения освещали коптилками на керосине, бензине или машинном масле, которые сотрудники приносили из дома; печи топили добытыми сучьями и корнями спиленных деревьев, поскольку городская управа, по словам Цветкова, «не выделила ни полена дров».¹⁴⁹ Питание было крайне скудным — соя, крупа, простокваша, соевое масло.¹⁵⁰

Продовольствие для отделения медики добывали сами. Врачи, в том числе сам В. И. Турбин, занимались ради этого частной практикой в городе, а медсёстры, имевшие пропуска в окрестные сёла, выменивали продукты «в обмен на медицинские советы и лечение».¹⁵¹ Сам Турбин, по свидетельству медсестры Ольги Игнатьевны Евсютиной, отдавал больным даже скудный паёк дежурного врача — «суп тарелку и кусочек хлеба», — и «просил даже передать, что он не трогал руками».¹⁵²

16 декабря 1941 г. немцы заняли главный корпус Областной больницы им. МОПРа под свой лазарет. В связи с этим на территории инфекционного отделения временно разместились изгнанные из здания отделения — хирургическое (во главе с Б. Н. Гусевым), гинекологическое,

¹⁴⁷ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 69.

¹⁴⁸ *Цветков В. Л.* Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 70.

¹⁵¹ Путь длиною в 220 лет... С. 109–110, 120–122.

¹⁵² *Перельгин А. И.* Турбин Владимир Иванович...

глазное, ушное, терапевтическое, нервное и венерическое; такая скученность сохранялась до их перевода на Тургеневскую улицу весной 1942 г.¹⁵³ Медсестра Нина Ивановна Яичкина вспоминала, что «наше отделение приняло все отделения на территории и разместило их так: 2-й барак – инфекционные больные (тифы, дифтерия); 3-й барак – с одной стороны хирургия (зав. отделением Гусев), с второй стороны – гинекология, зав. отделением Цуканова; 7-я палата – терапия и нервное, 6-я палата – ушное и глазное; 8 палата – дифтерия; 5-я палата – тифы».¹⁵⁴ Соседство отделений упростило укрытие раненых. «Врач Б. Н. Гусев, работавший в хирургическом отделении, через мою мать познакомился с Владимиром Ивановичем, — вспоминал В. Л. Цветков, — который согласился принимать наших военнопленных из хирургического отделения и укрывать их в заразных бараках, пока им не подберут «родственников» или не обеспечат переход через линию фронта».¹⁵⁵

Через отделение проходили и военнопленные, и гражданское население. Турбин отмечал, что «на протяжении всего времени оккупации инфекционное отделение было всё время заполнено также больными из гражданского населения», особенно сыпным тифом и дифтерией.¹⁵⁶ По свидетельству В. Л. Цветкова, из-за подпольной работы «число гражданских больных было ограничено, и доктор Турбин, чтобы компенсировать отсутствие стационарного обслуживания больных, безотказно выезжал, вернее, ходил на вызовы до комендантского часа. Внимательно осматривал больных тифом на дому, подробно объяснял правила ухода и лечения, а главное — борьбы со вшами. Порой не уходил, пока при нём не сделают тщательной дезинфекции. При этом он очень скрупулёзно выполнял меры личной предосторожности и поэтому за всё это время ничем не заразился».¹⁵⁷

В переполненных бараках угроза тифа была постоянной, и Турбин вёл с ней непримиримую борьбу. Опасность была всеобщей: при малейшем нарушении эпидрежима персонал расплачивался жизнью — от тифа умерли хирург Н. А. Баяндин и врач Ю. Н. Бондаренко, несколько медсестёр и санитарок; на несколько месяцев слегла в сыпняке Л. А.

¹⁵³ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁵⁶ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

¹⁵⁷ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

Цветкова.¹⁵⁸ «За обнаруженную вошь или грязь Турбин давал такой разгон, что не пожелаешь, — вспоминал В. Л. Цветков, — сам сутками не покидал отделения, спал в железной дезкамере, где прожаривали всё, что было на больных, сам искал насекомых, изолировал, лечил — всё сам». К декабрю 1941 г. вспышка тифа была подавлена.¹⁵⁹

Главной задачей было уберечь военных, находившихся в стенах отделения, от попадания в концлагерь. Поступавших оформляли как гражданских: с одежды снимали знаки отличия, заводили новые истории болезни с диагнозом заразного заболевания, а старые прятали под полом барачного коридора.¹⁶⁰ Выздоровевших выписывали со справками, что они находились на излечении в инфекционном отделении после тифа, и переодевали в гражданское, после чего им помогали скрыться — переправиться через линию фронта, уйти к партизанам или осесть на конспиративных квартирах. По свидетельству старшей медсестры Марии Михайловны Юрасовой, в гражданской одежде выписанные могли «уходить свободно, куда им надо при наличии справки».¹⁶¹ Поиском «надёжных людей», готовых принять выписанных под видом родственников, занимался в том числе санитар В. Л. Цветков, связанный с городским подпольем.¹⁶²

Возможность давать выписанным пациентам точные рекомендации по маршруту передвижения появилась следующим образом. Бухгалтер В. И. Фадеев вместе с фельдшером И. Д. Мотренко собрали радиоприёмник и установили его в доме у доверенного жителя Орла Н.А. Сычева скрытно изнутри русской печи. Фадеев вместе с Сычевым регулярно слушал и записывал сводки Совинформбюро во время бомбежек, поскольку «это время было абсолютно безопасно, т.к. немцы не шлелись по дворам».¹⁶³ На следующий день Фадеев рассказывал доверенным сотрудникам инфекционного отделения и лагерного лазарета полученные сводки; движение линии фронта смотрели по находившейся в приемном покое большой карте СССР.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 68.

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁶³ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

Сверясь с ней, врачи понимали обстановку и советовали выходявшим, в какую сторону безопаснее двигаться. Место хранения приёмника, кроме самих Фадеева, Сычева и Мотренко, в отделении знал только Турбин.¹⁶⁴

В тифозном бараке работал молодой врач Ю. Н. Бондаренко, активный участник подпольной группы Валентина Берзина: отсюда он с помощью друзей организовал побег группы лётчиков.¹⁶⁵

У инфекционного отделения было тесное взаимодействие с жительницей соседнего дома Федосьей Никифоровной Огурцовой, также связанной с подпольем. Огурцова «была в большой дружбе с В. И. Турбиным»: он помогал ей советами и распоряжался о выделении продовольствия с больничной кухни для укрываемых ею партизан.¹⁶⁶ У неё же укрывались пятеро спасённых лётчиков, позднее ушедших через линию фронта.¹⁶⁷ Территория отделения и участок Огурцовой были смежными, и, как вспоминал Турбин, «когда к Огурцовой приходили с обыском, то партизаны из её погреба перебежали к нам в больничный сад, где и скрывались от немцев».¹⁶⁸

Подпольная работа велась под постоянной угрозой разоблачения. Работать в "Русской больнице" было опасно, в отделения подсылались тайные осведомители под видом врачей, сестёр милосердия, больных. В.Л. Цветков отмечал, что доверять никому, кроме коллектива старых работников и военврачей С. П. Протопопова, В. А. Смирнова, Б. Н. Гусева, руководивших подпольной работой, было нельзя. Немцы подозревали, что число смертей в отчётах было завышено, и искали виновных. Неосторожное высказывание в палатах больницы или просто подозрение, а то и ложный донос не раз кончались гибелью в страшных подвалах гестапо на берегу Орлика. Поэтому все патриоты соблюдали конспирацию: на людях, при больных, якобы одобряли немцев, хвалили их чистоту, аккуратность, слыли религиозными и

¹⁶⁴ Путь длиною в 220 лет... С. 120–124.

¹⁶⁵ Бастион за дощатым забором // Мартынов М. М. Путь длиною в 220 лет. — 2002 — С. 122–124.

¹⁶⁶ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

¹⁶⁷ Там же.

¹⁶⁸ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

покорными судьбе людьми. Никто не хотел умирать.¹⁶⁹ Медсестру В. П. Кушевич, которая работала под началом В.Н. Преображенского, из-за побега больного, бывшего военнотружущим, три дня продержали в гестапо и угрожали повесить.¹⁷⁰

Характерен и следующий эпизод: врач М. И. Попова, по словам В.И. Фадеева, «расписывала прелести правления немцев, сообщала провокационные новости, грозила карами».¹⁷¹ Однажды она застала сотрудников инфекционного отделения за картой - они обсуждали ситуацию на фронте, и донесла в комендатуру. Фельдшера лагеря военнопленных Г. П. Чмыхало, который там присутствовал, на 30 суток бросили в карцер, где он выжил чудом, а медсестру Н. И. Яичкину выслали на ликвидацию сыпного тифа из Орла в Моховский район. В. И. Турбина тоже хотели высласть из Орла — в Хотынецкий район, — но главный врач В. А. Смирнов отстоял его, мотивируя тем, что заменить Турбина было некем.¹⁷² Этот эпизод показывает, сколь велик был риск: за свою работу медики могли в любой момент поплатиться жизнью.

В последние недели оккупации Турбин неотлучно жил в больнице: «Сам я в течение полутора месяцев жил в больничной дезокамере, ни на минуту не покидая больницы».¹⁷³ Евсютина и Юрасова подтверждают, что Владимир Иванович был «бледный, с отёкшим лицом»¹⁷⁴, но не уходил домой до самого прихода Красной армии.¹⁷⁵ Незадолго до освобождения города Турбин, среди многих других здоровых людей, укрыл в дизентерийном бараке шестнадцатилетнего орловчанина В. И. Дмитриевского — будущего врача-

¹⁶⁹ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁷⁰ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания В. П. Кушевич, медсестры «Русской больницы». Л. 28.

¹⁷¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

¹⁷² ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

¹⁷³ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

¹⁷⁴ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания О. И. Евсютинной (Филипович), медсестры инфекционного отделения.

¹⁷⁵ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 73.

травматолога, — бежавшего от полицейской облавы и угона в Германию: оформленный «заразным больным», тот благополучно дождался прихода Красной армии.¹⁷⁶

Коллеги единодушно отмечали и врачебный дар, и человеческие качества Турбина. В. Л. Цветков говорил, что отсутствие эпидемии среди хирургических больных — «заслуга исключительно заведующего».¹⁷⁷ О. И. Евсютина вспоминала: «Владимир Иванович, рискуя собственной жизнью, держал в отделении людей, которых надо было спасать от немцев, давал советы, как избежать, чтоб не поставили немцев на квартиру, давал ложные справки, давал советы, чтобы избежать поездку в Германию (когда молодежь угоняли в Германию). Имея авторитет у населения, Владимир Иванович имел, видимо, связь с людьми, которые снабжали его продуктами питания, и он много тащил в больницу, даже и нас, медработников, как он говорил, только угощал, а также всю лишнюю одежду приносил для больных, у которых были военные вещи, переодевали их и выписывали».¹⁷⁸ Турбина называли «великим диагностом», спасшим всех, кого в тех условиях можно было спасти.¹⁷⁹ В. И. Дмитриевский впоследствии писал: «Известно, что этот человек большой личной скромности и отваги не был своевременно отмечен в списках награжденных сотрудников-медиков, где ему по праву принадлежит не последнее место».¹⁸⁰

Свой труд медсестры считали скромным, но искренним вкладом в общую победу. «Я работала сплочённо с В. И. Турбиным, — вспоминала М. М. Юрасова, — я была непосредственным его исполнителем, и все его распоряжения, и просьбы, наставления я выполняла беспрекословно и с большим удовлетворением, так как знала, что всё каким-то образом влияло на победу над немцами; мы вносили небольшое дело, но оно было от чистой души».¹⁸¹

¹⁷⁶ Дмитриевский В. И. Это было в 1943... (воспоминания). Музей Орловской областной клинической больницы (предоставлено В. М. Мамошиной).

¹⁷⁷ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁷⁸ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания О. И. Евсютинной (Филипович), медсестры инфекционного отделения.

¹⁷⁹ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁸⁰ Заявление В. И. Дмитриевского... С. 128.

¹⁸¹ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 73.

2.3. Связь с лагерем военнопленных

Орловский лагерь военнопленных был одним из крупнейших концлагерей, созданных фашистами на оккупированной ими территории. Он получил название «Лагерь военнопленных армейского сборно-пересыльного пункта № 20 2-й танковой армии» и располагался в здании Орловского централа (на пересечении улиц Октябрьской и Красноармейской, тюрьма сохранилась и работает на сегодняшний день, рядом с тюрьмой расположено мемориальное кладбище Жертв фашизма); лагерь действовал в Орле в течение всего периода оккупации.¹⁸² В лагерьной больнице, размещённой в одном из корпусов, работали русские военнопленные врачи и фельдшеры, тогда как находившиеся в концлагере штатные немецкие врачи занимались исключительно отчётностью, не оказывая медицинской помощи заключённым.¹⁸³

Важнейшим направлением работы «Русской больницы» стала связь с лазаретом лагеря военнопленных. В.И. Турбин вспоминал: «В начале 1942 года у нас стала налаживаться тесная связь между нашим отделением и лагерем военнопленных. Связь эта была установлена через нашу сестру Яичкину и фельдшеров из лагеря Чмыхало и Кузьмина, а потом врачи из лагеря Лазунов, Цветков, Гура стали нашими частыми посетителями».¹⁸⁴

Был свой расчёт и у оккупантов: пленных направляли в больницу для подготовки к допросам или угона в Германию¹⁸⁵ — тяжелораненого или истощённого пленного сначала требовалось хотя бы минимально подлечить. Немецкий комендант разрешил временно помещать тяжелораненых в хирургическое отделение «Русской больницы», а больных тифом и дизентерией — в инфекционное. Врачи лагерного лазарета пользовались этим и под видом больных нередко доставляли в больницу и здоровых бойцов.¹⁸⁶ Подвиг врачей «Русской больницы» состоял в том, чтобы не дать поступившему вернуться назад в лагерь, где его ждала почти неминуемая смерть.

Со стороны лагеря связь держали врач Л. Т. Гура и фельдшеры Г. П. Чмыхало и Д. Кузьмин, которые старались направлять пленных бойцов в инфекционное или хирургическое

¹⁸² Саран А. Ю. Фашистские застенки... С. 108–109.

¹⁸³ Там же. С. 123.

¹⁸⁴ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

¹⁸⁵ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁸⁶ Путь длиною в 220 лет... С. 110.

отделение. Ключевую роль играл пленный фельдшер, украинец Григорий Прохорович Чмыхало: он «возглавлял группу санитаров, которые перевозили раненых советских военнопленных в "русскую больницу", под видом тяжелобольных уносил из лагеря и здоровых воинов, от вновь поступающих узнавал о положении на фронте и сообщал врачам подпольного госпиталя».¹⁸⁷ Н. И. Яичкина вспоминала: «Чмыхало Григорий Прохорович ... вместе с Кузьминым Дмитрием и Пинчук Василием приводили военнослужащих в наше отделение. Они говорили мне, с какой целью поступает больной и куда после выздоровления должен был последовать. Я об этом говорила В. И. Турбину, который потом подготавливал историю болезни с последующей выдачей справки гражданской и маршрутом».¹⁸⁸ В приёмном покое медсёстры М. Юрасова, И. Вашурина или Н. Меркулова заполняли на доставленных гражданские истории болезни, а дальше они поступали в распоряжение Турбина. Документальное прикрытие обеспечивал патологоанатом Владимир Евгеньевич Фарафонов, который «аккуратно вёл список умерших и предъявлял его при контроле жандармам»; сам он умер от истощения весной 1943 г.¹⁸⁹

Особенно изобретательной была система «взаимозачёта». Как свидетельствовала М. М. Юрасова, «умирало безродное гражданское население, и мы их передавали в лагерь военнопленных вместо оставшихся у нас на излечении военнопленных»: тела безвестных умерших отправляли в лагерь под именами тех, кого на самом деле укрывали и спасали.¹⁹⁰ Смертность была огромной, и немцы, веря записям патологоанатома и не вникая в подмену, не замечали подлога.¹⁹¹ А если проверка все-таки заходила на территорию инфекционного отделения, то, заглянув за ворота, где штабелями лежали трупы умерших от тифа, жандармы «сразу же ретировались».¹⁹²

¹⁸⁷ Биографическая справка о Г. П. Чмыхало // С правдой о войне... С. 86.

¹⁸⁸ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

¹⁸⁹ Путь длиною в 220 лет... С. 109–110, 120–122.

¹⁹⁰ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 71.

¹⁹¹ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁹² Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

Связь отделения с лагерем укреплялась и благодаря кадрам: после установления постоянных контактов в тюремный лазарет были направлены врачи областной больницы Л. А. Цветкова и З. В. Горлевская, а также средний и младший персонал для ухода за больными.¹⁹³ Инфекционное отделение Турбина и лагерный лазарет фактически слились в единую систему спасения: по словам В. Л. Цветкова, «у нашего отделения появился филиал при тюрьме».¹⁹⁴

Н. И. Яичкина вспоминала о главном враче «Русской больницы» В. А. Смирнове: «Главным врачом работал Смирнов В. А., который с женой жил на территории больницы в I-ом отделении».¹⁹⁵ М. М. Юрасова также писала о нем: «Врач В. А. Смирнов ... относился ко всему как-то безразлично, или ему нужно было так делать. Он как бы закрывал глаза на всё и старался ничего не видеть, ни в чём не участвовать, но и никогда не был против. О том, что мы помогали, он знал, но никогда не заводил этого разговора, старался обходить. Всякие такие вопросы больше и почти все решал В. И. Турбин».¹⁹⁶

О. И. Евсютина вспоминала: «К концу оккупации немцы оставили много в/служащих в лагере, но не знаю, откуда было знать об этом, только по указанию В. И. Турбина все они были переведены к нам в отделение и разместили их в 6 и 7 палатах 3 барака, кого как, даже на матрасах на полу. Они были давно не перевязаны, стонали, приходилось их перевязывать даже ночью, бинтов не было, были бинты бумажные... Все хлопоты доставались врачу Турбину, он и осматривал больных, и назначал перевязки, и беспокоился, чтоб их было чем кормить».¹⁹⁷

Кульминацией стали последние недели перед освобождением Орла. За три недели до прихода Красной армии врач лазарета Л.Т. Гура попросил Турбина принять из лагеря 10–15 нетранспортабельных тяжелобольных; Турбин согласился и стал выписывать продовольствие на большее число больных, чем было в отделении. Однако доставили не 10–15, а 65 человек — «все они, только лётный и командный состав», — которых при отступлении немцы намеревались взорвать вместе с тюрьмой; кроме них, в отделении укрыли ещё 17 здоровых

¹⁹³ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

¹⁹⁴ Цветков В. Л. Осторожно, опасная инфекция... С. 120–122.

¹⁹⁵ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания Н. И. Яичкиной (Меркуловой).

¹⁹⁶ ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания М. М. Юрасовой, старшей медсестры инфекционного отделения. Л. 72.

¹⁹⁷ Перелыгин А. И. Турбин Владимир Иванович...

мужчин призывного возраста и пятерых, скрывавшихся вместе с самим Гурой.¹⁹⁸ Старший врач В. А. Смирнов знал о доставке больных и не препятствовал ей.¹⁹⁹

5 августа 1943 г. Орёл был освобождён, и пациенты «Русской больницы» вскоре смогли встать в строй.

2.4. Значение работы В. И. Турбина в «Русской больнице»

Подводя итог исследованию деятельности В. И. Турбина в «Русской больнице», следует выделить четыре аспекта значения его работы.

Во-первых, медицинское значение. За 22 месяца оккупации через инфекционное отделение под руководством Турбина прошли сотни больных сыпным и брюшным тифом, дифтерией и другими тяжёлыми инфекциями — как военнослужащие, так и гражданское население Орла. Подавление вспышки сыпняка к декабрю 1941 г. в условиях полного отсутствия медикаментов, воды и отопления было исключительным профессиональным результатом.

Во-вторых, военно-стратегическое значение. Не считая гражданских лиц, «Русская больница» в целом спасла около тысячи бойцов и командиров Красной армии. Существенная часть этого результата обеспечена работой инфекционного отделения, выполнявшего роль главного укрытия. Освобождённые из больницы военнослужащие либо были переданы советскому командованию, либо ушли к партизанам или через линию фронта.

В-третьих, нравственно-духовное значение. Деятельность В. И. Турбина представляет собой пример соединения врачебного долга, гражданской ответственности и христианской веры в условиях, когда любой из этих мотивов мог стать поводом для гибели. Тайный монашеский постриг, принятый Турбиным ещё в 1934 г., сформировал ту нравственную опору, благодаря которой решение остаться в оккупированном городе и продолжить руководить инфекционным отделением в тяжёлых условиях не выглядело для него выбором. Как монах, он не заботился о выживании и своей безопасности, но всего себя отдавал делу спасения ближних.

В-четвёртых, историографическое значение. Восстановление роли В. И. Турбина в работе «Русской больницы» — это пример пересмотра советской «легенды» подпольного

¹⁹⁸ Турбин В. И. Воспоминания... С. 37–41.

¹⁹⁹ Переверзев В. И. Легенда Орла...

госпиталя, в которой имя Турбина было опущено по идеологическим причинам. Возвращение его имени в историю не умаляет подвига других врачей и медсестёр, но восполняет пробел и устанавливает действительный баланс коллективной работы, в которой инфекционное отделение Турбина и его профессиональный авторитет занимали одно из ключевых мест.

Обобщая сказанное во второй главе, подчеркнём главное. Биография В. И. Турбина (1905–1972) — потомственное дворянство, родство со священническим родом Булгаковых, медицинское образование и тайный монашеский постриг 1934 г. — сформировала тот нравственный фундамент, на котором строилось его поведение в годы оккупации. Ещё до войны Турбин руководил инфекционным отделением Областной больницы, и именно это отделение в силу стечения обстоятельств — обособленной, закрытой территории, статуса «заразного» очага и сплочённого, связанного с подпольем коллектива — стало главным звеном системы спасения красноармейцев. Личные качества заведующего довершали дело: как монах, Турбин не заботился о собственном выживании и безопасности, но всего себя отдавал спасению ближних. Он первым переписал истории болезни 26 военнослужащих 3 октября 1941 г., в день прихода немцев; он не побоялся приказа немецкого офицера и не стал отдавать раненых военных в концлагерь; он координировал диагностику и распределение раненых, наладил связь с лазаретом лагеря военнопленных через медсестру Н. И. Яичкину и фельдшеров Г. П. Чмыхало и Д. Кузьмина, а в последние недели перед освобождением (июль 1943 г.) принял из лагеря 65 «нетранспортабельных» больных, преимущественно лётный и командный состав. После освобождения Орла 5 августа 1943 г. Турбин был арестован по обвинению в сотрудничестве с оккупантами; его освобождению содействовал главный хирург Красной армии Н. Н. Бурденко. Значение работы Турбина в «Русской больнице» имеет, таким образом, медицинское, военно-стратегическое, нравственно-духовное и историографическое измерения, рассмотренные выше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование деятельности В. И. Турбина в период немецкой оккупации Орла позволяет сформулировать следующие выводы.

В условиях оккупации возникновение «Русской больницы» 5 октября 1941 г. стало исключительным примером гражданского сопротивления и врачебного гуманизма. Объединение остатков окружного военного госпиталя и областной больницы им. МОПРа в одно лечебное учреждение, формально подчинённое оккупационной администрации, позволило сохранить медицинскую помощь как гражданскому населению, так и раненым красноармейцам. Уникальное расположение и санитарно-инфекционный статус инфекционного отделения, где заведующим оставался В. И. Турбин, превратили его в ключевой элемент системы спасения.

Биография В. И. Турбина (1905–1972), включающая дворянское происхождение, связь с орловским духовенством, представителями Маросейской общины, и тайный монашеский постриг 1934 г. из рук будущего священномученика, сформировала нравственный фундамент его деятельности в годы оккупации.

Анализ источников позволяет утверждать, что Турбин занимал ведущее место в системе спасения красноармейцев: он первым переписал истории болезни 26 военнослужащих 3 октября 1941 г., в день прихода немцев; он принял в своем переполненном отделении раненых, выгнанных немцами из военного госпиталя; он не побоялся приказа немецкого офицера и не стал отдавать раненых военных в концлагерь; он руководил инфекционным отделением, координировал связь с лагерем военнопленных; принял из лагеря 65 «нетранспортабельных» больных за три недели до освобождения Орла. Эта оценка не противопоставляет Турбина другим врачам «Русской больницы», также совершившим подвиг, но восполняет историографический пробел и устанавливает точный баланс коллективной работы подпольного госпиталя.

Замалчивание роли В. И. Турбина в советской историографии было обусловлено не действительным местом доктора в событиях, а «специфическими» чертами его биографии, не сочетавшимися с советской идеологией, — дворянским происхождением, монашеством и церковностью. По этой причине его имя в советский период оказалось исключено из публичного поля. Из-за этого в более поздней историографии не было четкого понимания и обоснования его настоящей роли, а новые содержательные материалы по теме вводились в

научный оборот весьма небыстро. Сказалось и то, что сам Турбин, оберегая бывших коллег от преследований советской власти, почти не упоминал их в своих воспоминаниях, делая это крайне осторожно. Советская же историография воспользовалась тем, что подвиг других врачей «Русской больницы» был несомненен, и сделала акцент исключительно на них, вовсе исключив Турбина. Свою роль сыграло и территориальное распределение больницы — хирургическое и инфекционное отделения часть времени работали в разных местах в городе. Подвиг других врачей и сотрудников «Русской больницы» ни в коей мере не может принижаться и терять значение: он остаётся достойным примером гуманизма, гражданского и врачебного мужества. Вместе с тем именно инфекционное отделение было первым и фактически единственным местом в городе, где вообще было возможно хотя бы на время укрыть большое число раненых красноармейцев. При этом важно учитывать, что с началом войны оно уже было заполнено сверх меры, а Турбин, как единственный не эвакуированный из Орла врач-инфекционист, и без того работал «по 12 часов в день». Несмотря на это, он, не думая о собственной безопасности и комфортном режиме работы, принял раненых в отделение в ночь с 3 на 4 октября 1941 г. Восстановление исторической справедливости, начатое орловскими краеведами и историками в 2000-е гг., позволяет наконец по достоинству оценить подвиг этого человека — врача и тайного монаха, движимого совестью, врачебным долгом и христианской любовью к ближнему. Значение его подвига имеет четыре измерения: медицинское — сотни больных, спасённых инфекционным отделением за 22 месяца оккупации; военно-стратегическое — вклад в спасение около тысячи бойцов и командиров Красной армии, укрытых «Русской больницей»; нравственно-духовное — пример соединения врачебного долга и христианской жертвенности; историографическое — восстановление действительной картины коллективного подвига подпольного госпиталя.

Ближе к концу жизни у Турбина спросили, почему он не эвакуировался из Орла перед приходом немцев. Его слова «Родина одна, и когда на неё нападает враг — мы должны её спасать» стали лейтмотивом всей его деятельности в период оккупации. Тайный монах, отказавшийся от мирских благ и посвятивший себя служению людям, он воплощал евангельские слова, которые сейчас выбиты у него на надгробии: «Истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из сих братьев моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25:40).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные источники

1. Государственный Архив Орловской Области (ГАОО). Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 20. Воспоминания медицинских сестёр Алёшиной В. А., Кушевич В. П., Евсютиной О. И., Сырцевой Н. Н., Яичкиной (Меркуловой) Н. И., Лифиновой Д. М., Юрасовой М. М., работавших в «Русской больнице», 1962–1966 гг.

2. ГАОО. Ф. Р-3976. Оп. 1. Ед. хр. 21. Воспоминания В. И. Фадеева, финансового работника больницы. Март 1962 г.

Опубликованные эго-документы

1. *Баграмян И. Х.* Воспоминания о «Русской больнице», 1964 г. // *Переверзев В. И.* Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

2. Письмо В. И. Турбина в редакцию «Орловской правды». Август 1960 г. // *Переверзев В. И.* Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

3. *Протопопов С. П.* Врачебный долг и война // Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 117–120.

4. С правдой о войне. Письма 1941–1945 гг.: сборник документов. Орёл: БУОО «Государственный архив Орловской области», 2015. – 227 с.

5. *Турбин В. И.* Воспоминания. Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами, 14 сентября 1962 г. // *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. С. 37–41.

6. *Турбин В. И.* Воспоминания. Инфекционное отделение Орловской областной больницы во время оккупации города Орла немцами, 14 сентября 1962 г. // *Перелыгин А. И.* Орловская епархия в новейшей истории. Белгород: Константа, 2022. С. 151–153.

7. *Цветков В. Л.* Осторожно, опасная инфекция! // Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Документы. Публикации. Воспоминания. Фотографии. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 120–122.

Периодическая печать

1. Бакаев В., Михайлов И. Ложь, шитая белыми нитками // Орловская правда. 1960. 28 июля. С. 3.
2. За воинствующий атеизм // Орловская правда. 1941. 22 июня.

Литература

1. Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Орловская область: сборник архивных документов. М.: Фонд «Связь Эпох»: Издательский центр «Воевода», 2020. – 480 с.
2. Верт А. Россия в войне 1941–1945. М.: Прогресс, 1967. — 774 с.
3. Власов В. А. Булгаковы, Покровские, Турбины // Духовные пастыри (В помощь учителю). Орёл: Изд. дом «Орлик»; Издатель А. В. Воробьёв, 2005. С. 54–64.
4. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: Т. 2. М.: Воениздат, 1961. – 682 с.
5. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945: Т. 3. М.: Воениздат, 1961. – 652 с.
6. Коробков В. И., Тучнин Л. М. Владимир Иванович Турбин. Сергей Павлович Протопопов // Орёл. XX в. в лицах. Орёл, 2000. С. 73.
7. Мартынов М. М. Бастион за дощатым забором // Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Орёл: Вешние воды, 2002. С. 122–124.
8. Мартынов М. М., Эвентов А. М. Подпольный госпиталь. Тула: Приокское книжное издательство, 1964. – 210 с.
9. Мартынов М. М. Фронт в тылу. Тула: Приокское книжное издательство, 1975. – 264 с.
10. Мартынов М. М. Фронт в тылу. 2-е изд. Тула: Приокское книжное издательство, 1981. – 281 с.
11. Орловский военный вестник: Военно-исторический журнал. Вып. 4: 75 лет начала оккупации Орла. Орёл: Картуш, 2016. — 152 с.
12. Павлова Т. Тайный монах // Орловская правда. 2005. 30 апр. С. 3.
13. Переверзев В. И. Легенда Орла: доктор Турбин (летопись одной семьи). – Орёл: вешние воды, 2005. с. 139-160.

URL: <https://orel-story.ru/forum/index.php?action=vthread&forum=17&topic=442>

14. *Перелыгин А. И.* Орловская епархия в новейшей истории. Белгород: Константа, 2022. – 272 с.
15. *Полынкин А. М.* Из архива Матвея Матвеевича. Орёл: Картуш, 2021. – 152 с.
16. Путь длиною в 220 лет. Страницы истории Орловской областной клинической больницы. Документы. Публикации. Воспоминания. Фотографии. Орёл: Вешние воды, 2002. – 352 с.
17. *Русин В. М.*, свящ. «Горю желанием служить Церкви». Жизнеописание протоиерея Владимира Отга. Старый Оскол: Изд. Свято-Покровского храма с. Кунье Горшеченского р-на Курской обл., 2008. – 48 с.
18. *Саран А. Ю.* Фашистские застенки. Концлагеря и тюрьмы оккупированной Орловщины 1941–1943 гг. Орёл: Картуш, 2026. – 440 с.
19. *Чаадаев Н.* Два доктора // Поколение. 2000. 10 марта.
20. Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal. Vol. VIII. Nuremberg, 1947.

Интернет-ресурсы

1. Книга памяти Орловской обл. // Открытый список: [база данных]. URL: [https://ru.openlist.wiki/Турбин_Александр_Иванович_\(1887\)](https://ru.openlist.wiki/Турбин_Александр_Иванович_(1887)).
2. *Кондакова Л. М.* В небе над Орлом // Орловская правда: сетевое издание. 01.08.2023. URL: <https://regionorel.ru/news/v-nebe-nad-orldom/>.
3. Мощи святителя Тихона Задонского и немощь атеистической пропаганды // Монастырский вестник. URL: <https://monasterium.ru/publikatsii/stati/moshchi-svyatitelya-tikhona-zadonskogo-i-nemoshch-ateisticheskoy-propagandy/>.
4. *Перелыгин А. И.* Турбин Владимир Иванович — врач-инфекционист, заведующий инфекционным отделением больницы МОПРа, в 1941–1943 гг. один из организаторов «Русской больницы» // Портал «Орёл по-русски». 21.12.2025. URL: <http://орёлпорусски.пф/2025/12/21/turbin-vladimir-ivanovich-vrach-infektsionist-zaveduyushhiy-infektsionnym-otdeleniem-bolnitsy-mopra-v-1941-1943-gg-odin-iz-organizatorov-russkoj-bolnitsy/>
5. *Поведский В.* Автобиография // Храм свт. Николая в Клённиках: [сайт]. URL: <http://www.klenniki.ru/mechev-obchin/mechevskay-kliriki/165-povedskiy-avtobiografiy>.

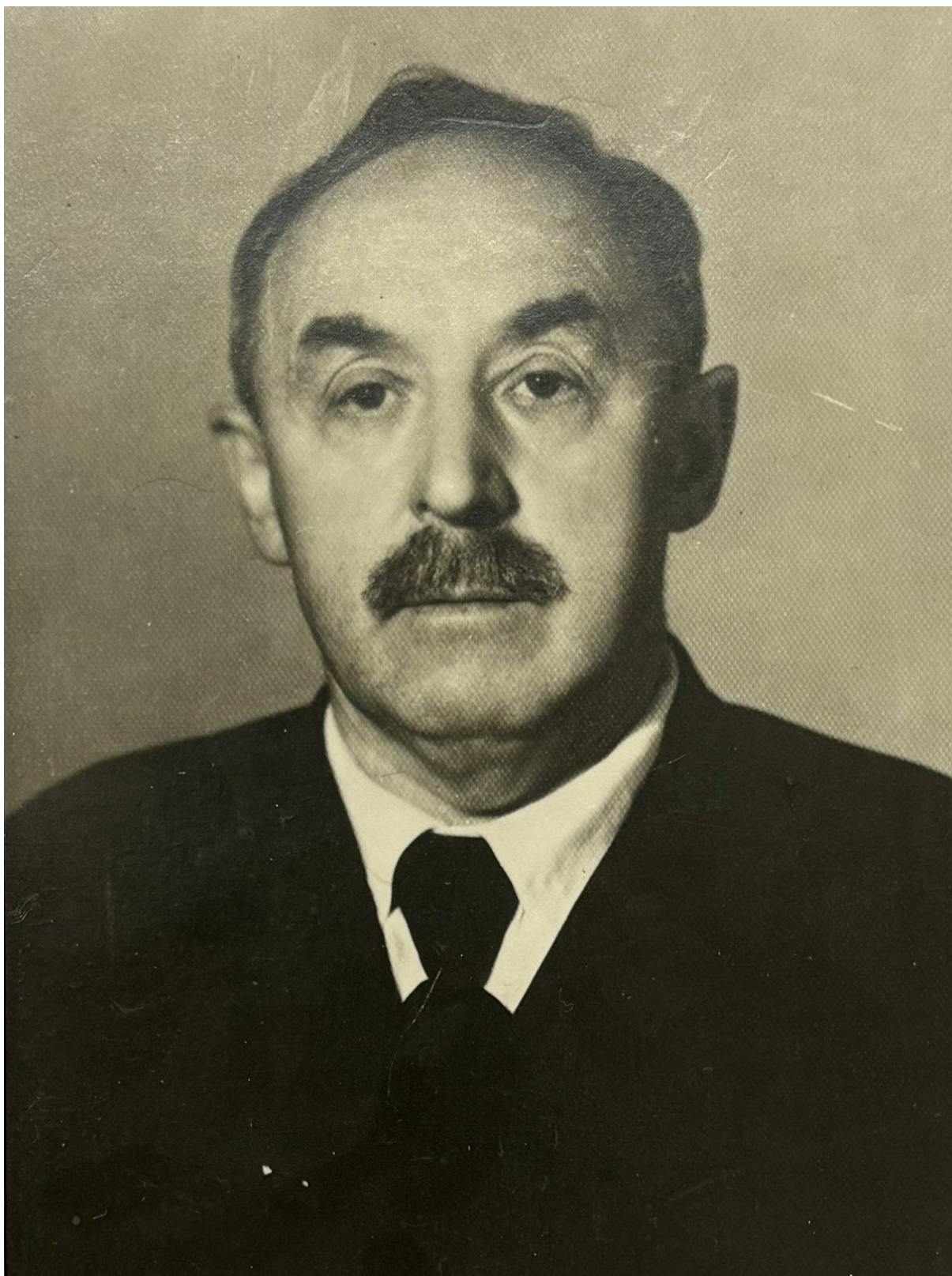
6. *Холчев Борис*, архим. (1895–1971, уроженец г. Орла, член Маросейской общины) // Азбука веры: [сайт]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Boris_Holchev/.

Приложение 1. Карта расположения Инфекционного отделения

Расположение зданий, связанных с Больницей им. МОПра, Военным госпиталем № 399 и Лагерем военнопленных, установлено на основе немецкой аэрофотосъемки г. Орла от 11.08.1943 (URL: https://retromap.ru/14194381_z14_52.974152,36.057472).



Приложение 2. Фотографии



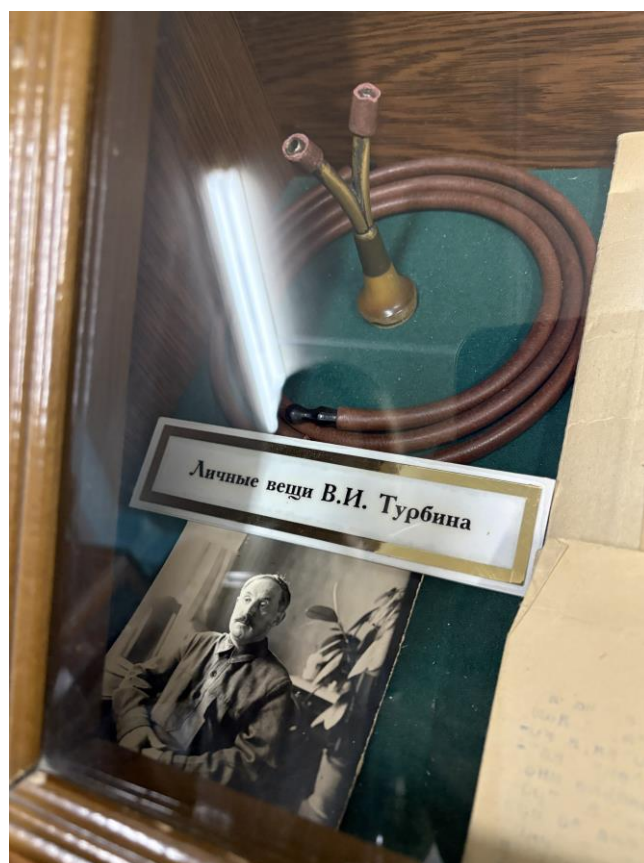
Турбин Владимир Иванович (1905–1972). Фото из Музея ООКБ.



Барак инфекционного отделения. Фото из Музея ООКБ.



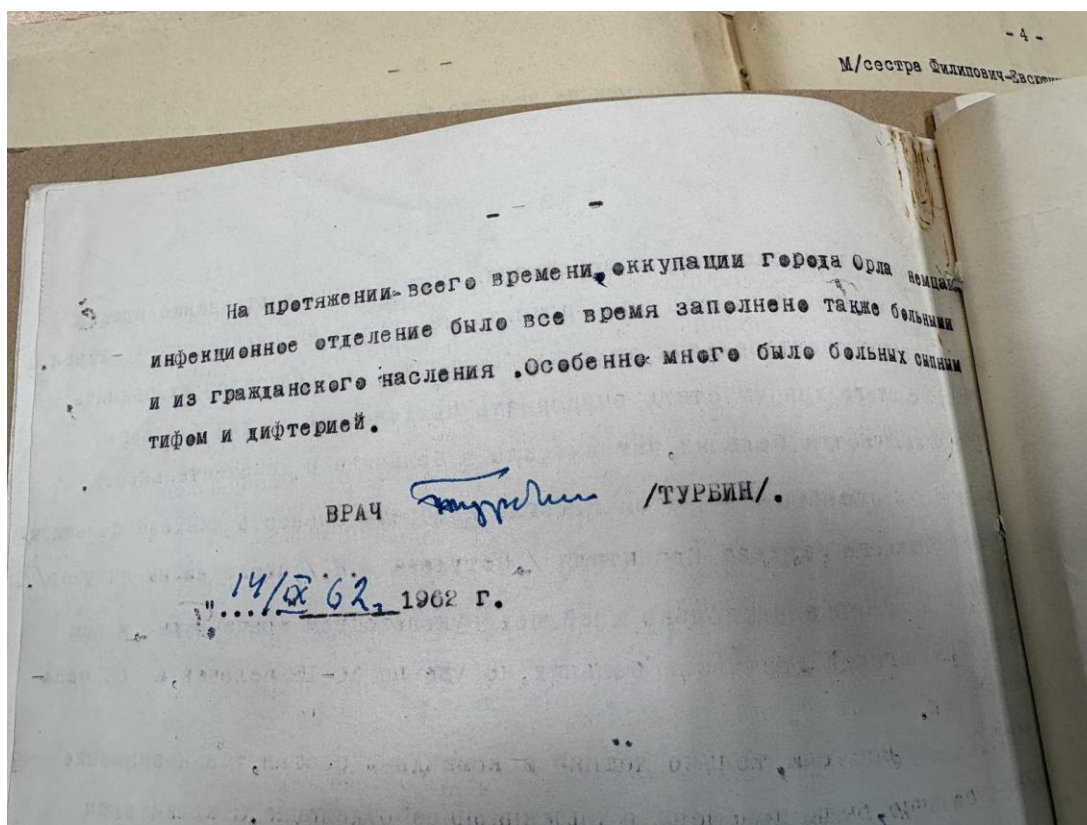
В. И. Турбин — начальник инфекционного отделения «Русской больницы». Фото из Музея ООКБ.



Личные вещи В. И. Турбина. Фото из Музея ООКБ.



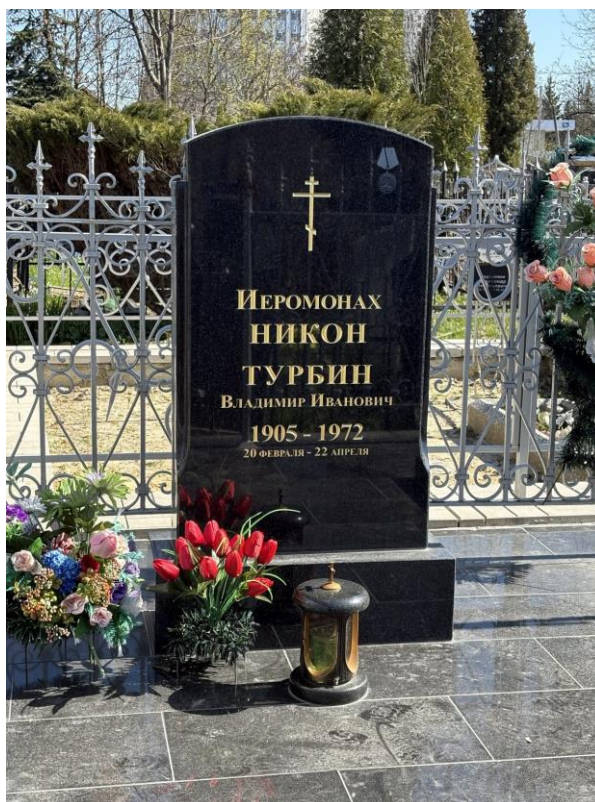
Столик и письменный прибор, принадлежавшие В. И. Турбину. Фото из Музея ООКБ.



Отрывок из «Воспоминаний» доктора Турбина (ГАОО).



Дом Турбиных (г. Орел, ул. Р. Люксембург, 19). Фото из личного архива автора.



Могила В. И. Турбина на Троицком кладбище г. Орла. Фото из личного архива автора.



Мемориальная табличка на здании ООКБ (г.Орел, б-р Победы, 10). Фото из личного архива автора.